

The illustration depicts a dimly lit interior, possibly a room or a train carriage, viewed through an open doorway. A person's hand is visible, holding a small bouquet of autumn leaves. A lamp with a pleated shade sits on a table covered with a red cloth. The scene is filled with falling and scattered autumn leaves in shades of yellow, orange, and red. The overall mood is mysterious and atmospheric.

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ТОТ, КТО ЗНАЕТ

Книга первая

Опасные ВОПРОСЫ

Преступления правильной жизни

Александра Маринина

**Тот, кто знает. Книга
первая. Опасные вопросы**

«Автор»

2001

Маринина А.

Тот, кто знает. Книга первая. Опасные вопросы / А. Маринина — «Автор», 2001 — (Преступления правильной жизни)

ISBN 978-5-699-69200-2

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Мащенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи, от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной, состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

ISBN 978-5-699-69200-2

© Маринина А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александра Маринина

Тот, кто знает. Книга первая. Опасные вопросы

© Алексеева М.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

«Господи, за что ты меня наказал? За что, за какие грехи заставил пережить такое? Разве я была плохой? Я всю жизнь трудилась, работала, училась, делала все честно и в полную силу. Я ни минуты не сидела без дела, я заботилась не только о своих родителях, муже и сыновьях, я заботилась и о Бэллочке, и об Иринке, даже не представляю, как у меня хватило сил и времени на всех, но ведь хватило же! Господи, ты дал мне силы на все это, значит, ты тоже считал, что я поступаю правильно. Так в чем же я провинилась? Неужели это расплата за ТО? Но ведь тогда никто не умер, тогда речь не шла о смерти человека. Неужели ты действительно считаешь, что я совершила страшный грех, за который должна расплатиться?»

Часть 1

Наталья, 1965–1972 гг.

Ворвавшись в квартиру, десятилетняя Наташа моментально сорвала с себя пальтишко, скинула ботинки и пулей пролетела по длинному коридору, минув дверь в комнату, где жила ее семья, и держа путь напрямик на кухню. Девочка была голодна, и в этот момент ее больше всего на свете интересовала записка с указаниями по части обеда, которую, как водится, должна была оставить мама на кухонном столе. Записка действительно лежала на видном месте, и Наташа впилась в нее глазами. «Суп в синей кастрюльке за дверью, макароны в миске на окне». Дверь, за которой пряталась кастрюля с супом, вела из кухни на черную лестницу. Раньше, до революции еще, по черной лестнице приходила кухарка и готовила еду для всех обитателей этой большой барской квартиры, теперь же черным ходом никто не пользовался, и прохладное даже летом место с успехом заменяло жильцам холодильник. Настоящий холодильник в их квартире был только у Брагиных, и стоял он не в общей кухне, а у них в комнате. Сам Брагин работал кем-то очень важным, получал большую зарплату, и у них всегда появлялись разные полезные и удивительные вещи – проигрыватель, телевизор, магнитофон, вот и холодильник тоже. Правда, они не были жадными и всегда разрешали положить в свою сверкающую белизной сокровищницу что-нибудь особо ценное на хранение, рыбу там или вырезку. А когда по телевизору «Огонек» шел, так даже сами приглашали соседей. Иногда.

С усилием откинув туго входивший в петлю тяжелый крюк, Наташа открыла дверь, достала кастрюлю с супом, поставила на огонь. Отперев дверь комнаты, бросила на стул портфельчик и быстро переделась в домашнее платьице, аккуратно повесив форму на плечики. «Космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов... – торжественно вещал голос диктора из постоянно включенного репродуктора. – Двадцать минут провел советский космонавт в открытом космосе...» Вот это да! Наши опять полетели в космос! Надо всем сказать, пусть тоже порадуются! Хотя кому сказать? В этот час в квартире и нет никого, все на работе. Но радость и гордость переполняли маленькое Наташино сердечко, и ей просто необходимо было поделиться такой ошеломляющей новостью. Прихватив с собой стоявшую на подоконнике алюминиевую миску с отваренными еще утром макаронами и масленку, она направилась к телефону, висящему на стене в коридоре.

– Добавочный пятнадцать тридцать шесть, пожалуйста, – вежливо произнесла она, услышав голос телефонистки на коммутаторе.

Через полминуты в трубке раздался голос матери.

– Мам, ты не представляешь, что случилось! – захлебываясь восторгом, заверещала Наташа. – Наши опять в космос полетели!

– Да, я слышала, – спокойно ответила мама.

– Нет, ты, наверное, не все слышала, – не унималась девочка. – Леонов двадцать минут пробыл в открытом космосе! Ты представляешь? Правда же, здорово? Я как по радио услышала...

– Доченька, у нас тут тоже есть радио, и мы все знаем. – Голос матери звучал устало и немного недовольно. – Ты давно пришла из школы?

– Только что.

– Почему так поздно? У тебя четыре урока сегодня, в котором часу ты должна была вернуться?

– В половине первого, – уныло произнесла Наташа.

– А сейчас сколько? – продолжала строгий допрос мама.

– Не знаю, я не посмотрела.

– Сейчас двадцать минут четвертого. Где ты была?

Пришлось признаваться:

– Мы с девочками в кино ходили. На «Ко мне, Мухтар!».

– Но ты уже его смотрела! Вы с папой ходили на этот фильм две недели назад.

– Ну и что! Он мне так нравится...

– А деньги где взяла? Опять в школе не поела? Наташа, я даю тебе каждый день деньги, чтобы ты на большой перемене покушала в буфете, а ты что вытворяешь?

– Ну мам...

– Вечером отец с тобой разберется, – сухо пообещала мама и бросила трубку.

Ну вот, так всегда. Хочешь как лучше, хочешь людям радость доставить, хорошей новостью поделиться, а они ругаются. И почему эти взрослые не понимают, что можно один и тот же фильм бесконечное количество раз смотреть? Девочка медленно побрела на кухню, только что сжигавшая ее радость мгновенно потухла.

Суп уже кипел всюду и даже норовил выплеснуться на плиту. Скучно выхлебав из глубокой тарелки рассольник (а суп оказался именно рассольником), Наташа машинально сжевала разогретые на сливочном масле и посыпанные сверху сахарным песком макароны, забыв, что еще десять минут назад была зверски голодна, и не получая от еды никакого удовольствия. Впрочем, плохое настроение не задерживалось у нее подолгу, и, уже заканчивая мыть посуду, девочка предвкушала радость от того, как будет сообщать потрясающую новость всем жильцам квартиры по мере их появления. Красавице Ниночке, которая слушает по радио только музыку, а на новости внимания не обращает и узнает обо всем от соседей. Ее матери, Полине Михайловне. Полина Михайловна работает уборщицей, ей не до радио. Дяде Славе Брагину. Он, конечно, ответственный работник, у него в кабинете радио наверняка есть, но у него же такая важная и сложная работа, когда ему новости-то слушать! Бэлле Львовне... Хотя нет, Бэлла Львовна всегда все узнает первая, один бог ведает, как у нее это получается. Зато ее сын Марик – вот уж кто с интересом выслушает удивительную новость. Марик студент, а во время занятий в институте студенты радио не слушают. Может быть, и Наташина старшая сестра Люся порадуетя новому успеху советской космонавтики, правда, приходит она поздно, частенько уже тогда, когда Наташа спит. Люсе двадцать семь лет, она на семнадцать лет старше Наташи, и у нее есть жених, с которым она проводит все свободное время, потому и возвращается домой так поздно. Зато Марик приходит рано, сразу же после занятий, нигде не задерживается, разве что в библиотеке, но это бывает редко. И не потому, что он плохой студент и не старается, нет, вовсе не поэтому. Просто его мама Бэлла Львовна сама работает в библиотеке и приносит домой любые книжки, какие только сыну понадобятся. И вообще, Марик – самый лучший!

К этому приятному выводу Наташа приходила регулярно, о чем бы ни размышляла. Ну разве она виновата, что мысли сами текут, выбирая направление, неизбежно приводящее к одному и тому же умозаключению!

Покончив с обедом, она села за уроки, решив победу родной страны в космосе отметить ударным трудом за учебниками. Сегодня уже восемнадцатое марта, через пять дней начнутся весенние каникулы, что само по себе, конечно, просто отлично, но в последний перед каникулами день в дневниках будут выставлять оценки за четверть, и это событие может принести некоторые огорчения. Да что там может, наверняка принесет. По физкультуре, труду и рисованию будут пятерки, в этом можно не сомневаться, руки у Наташи золотые, это все говорят, даже Марик (ох, опять Марик), и бегают она быстрее всех девчонок в классе, и прыгает выше, и по канату взбирается ловко, как обезьянка, зато с французским языком у нее определенно не все благополучно, а уж с русским – вообще беда. И не потому, что она неграмотная, а потому что пишет грязно, с помарками, исправлениями. Она и по арифметике могла бы хорошие отметки получать, если бы не вечная грязь в тетрадках и бесконечные зачеркивания. Но что же она может сделать, если перьевые ручки так плохо ее слушаются и из них все время капает чер-

нила! Вот если бы им разрешили писать такими ручками, какими пишет дядя Слава Брагин, шариковыми, то и грязи бы никакой не было. Правда, исправления все равно были бы, потому что Наташа Казанцева «девочка умная, развитая, но очень рассеянная», так говорит их учительница на родительских собраниях. Рассеянная, пишет упражнения по русскому или решает примеры по арифметике, а сама о чем-то постороннем думает, поэтому делает глупые ошибки, которые сама же замечает и исправляет. А бывает, что и не замечает. Ну и ладно, зато по пению тоже будет пятерка, слух у Наташи отменный и голосок звонкий. Итого выходит, что в четверти набегает четыре пятерки, четверки по французскому и по чтению и тройки по письму и арифметике. Да уж, с таким табелем нечего надеяться на необыкновенные приключения во время каникул. Ни зоопарка, ни театра, ни кино по два раза в день. Но если в оставшиеся пять дней собрать волю в кулак и постараться как следует, то, может быть, еще можно выкарабкаться. Вот отец всегда ругает ее за то, что она уроки делает без черновиков, сразу набело пишет в ту тетрадку, которую потом на проверку учительнице придется сдавать.

– Ты сделай задание на черновике, покажи кому-нибудь из взрослых, они проверят, исправят ошибки, а тебе потом останется только аккуратненько набело переписать, – поучал он.

Но тратить время на черновики ей не хотелось. Скорей бы отделаться от уроков – и бегом на улицу, в кино, с подружками гулять. Вот и тройки в табеле. А что, если все-таки попробовать сделать так, как отец советует? Наташа достала чистую тетрадку в клеточку за 2 копейки и на обложке крупно вывела: «Черновик».

Она решила уже все примеры в новой тетрадке, разведя на чистеньких страницах невероятную грязь, когда хлопнула входная дверь и послышались шаги Марика – тихие, словно неуверенные, и одновременно почему-то тяжелые. Такая у Марика походка. Наташа вскочила, как пружиной подброшенная, и вылетела ему навстречу.

– Марик, ты слышал? Наши в космос полетели!

– Да что ты говоришь?! Не может быть! Ты сама слышала?

– Сама, по радио передавали, два человека полетели, Беляев и Леонов, Леонов даже в открытый космос вышел и двадцать минут там пробыл! – захлебывалась Наташа.

– Вот это новость так новость! Ну-ка расскажи мне все подробно. Давай зайдем к нам, и ты все мне расскажешь.

«Господи, какой же он красивый», – думала Наташа, сидя за круглым столом напротив Марика и добросовестно пересказывая все, что слышала по радио. Густые черные брови, крупный нос, выпуклые блестящие темные глаза, яркие губы, волнистые волосы – все это вместе составляло для десятилетней девочки эталон мужской красоты, превзойти который не дано было никому. Ну ясно же, Марик – самый лучший. Когда ей было пять лет, она влюбилась в итальянского певца Робертино Лоретти, его фотокарточка в рамочке и под стеклом висела на стене над Наташиной кроваткой, все кругом слушали мелодичные песенки, исполняемые звучным дискантом, и красивый талантливый мальчик из далекой солнечной страны на протяжении трех лет был властелином ее детских грез. А потом она пошла в первый класс, и так получилось, что папа был в командировке, а у мамы с утра поднялась температура, целых тридцать девять и шесть, и отвести ее в школу оказалось некому, кроме Марика. И в первый же день новая подружка – соседка по парте Инка Левина – с интересом спросила:

– Это кто был, твой брат?

– Нет, это Марик, мы в одной квартире живем, – спокойно пояснила Наташа. – А что?

– Ничего. Красивый какой! – мечтательно вздохнула Инка.

Наташа сперва даже удивилась, а потом повнимательнее пригляделась к Марику и поняла, что да, действительно красивый. Портрет Робертино Лоретти был безжалостно изгнан с почетного места на стене, а все мысли Наташи Казанцевой, вокруг какого бы предмета ни вились, в конце концов сводились к одному: Марик – самый лучший. Марик с тех пор дважды

проваливался на экзаменах в институт, сама Наташа училась уже в третьем классе, но кумир все еще не померк.

Пересказав во всех деталях, как она пришла из школы, как зашла в комнату и услышала сообщение по радио, Наташа спохватилась, что Марик же, наверное, голодный, с утра ничего не ел, а она его тут баснями кормит.

– Давай я тебя покормлю, – предложила она. – Ты только скажи, что разогреть, и иди мой руки, а я все приготовлю.

Марик и не думал удивляться, он давно привык к тому, что маленькая соседка заботится о нем, как взрослая. Девчушка ловкая и сноровистая, всем помогает, не только своей матери, всем готова услужить и ни разу – ни разу! – ни одной чашки или тарелки не разбила. Не зря же все до единого жильцы четырехкомнатной коммунальной квартиры в большом доме по Решикову переулку, что рядом со станцией метро «Смоленская», сходились во мнении: у Наташи Казанцевой руки золотые.

* * *

За пять дней внести существенные коррективы в оценки за четверть, конечно, не удалось, и дома разгорелся очередной скандал. Сначала попало самой Наташе, потом родители принялись ссориться между собой.

– Я с самого начала была против, чтобы она училась в этой поленовской школе! – кричала мама. – Кому он нужен, этот французский язык? Его на хлеб не намажешь и в карман не положишь, а ребенок только зря силы тратит на него и по основным предметам не успевает. Пусть этот год доучится, и переведем ее в гоголевскую.

– Гоголевская дальше от дома, а поленовская – вот она, за углом. Я не допущу, чтобы ребенок один ходил так далеко, – возражал отец.

– Да твой ребенок и так шляется целый день по Арбату, вместо того чтобы уроки учить!

– Значит, дело не во французском языке, а в том, что она не занимается!

– А ты меня не подавливай!

– А ты...

Такой скандал разгорался на Наташиной памяти уже в третий или в четвертый раз, иными словами – по поводу каждого табеля, в котором мелькали тройки. Школа имени Поленова, в которой она училась, специализировалась на углубленном изучении французского языка, и выпускники даже получали диплом гида-переводчика по музею-усадьбе «Поленово». Находилась школа в Спасопесковском переулке, свернешь с Решикова переулка направо – и вот оно, школьное здание. Школа же имени Гоголя, в которую мать все мечтала перевести Наташу, была самой обыкновенной, без всяких там углубленных преподаваний, и находилась в глубине Староконюшенного переулка, чтобы до нее дойти, нужно было пять раз переходить дорогу. Учиться в другой школе Наташе не хотелось, ведь это означало бы не только раньше вставать и раньше выходить из дому, но и расстаться с подружками, поэтому каждый раз, когда родители начинали выяснять, кто из них прав и где их дочери лучше учиться, клятвенно давала себе слово не быть такой рассеянной, делать уроки тщательно и с черновиками и больше троек в табеле не допускать. Но проходили каникулы, и благой порыв успевал остыть еще до первого звонка на первый урок.

Наташе стало скучно, она незаметно выскользнула из комнаты и постучалась к соседке Бэлле Львовне.

– Бэлла Львовна, можно к вам на телевизор?

Бэлла Львовна и ее сын Марик были вторыми в их квартире счастливыми обладателями телевизора, правда, в их комнате стоял не роскошный комбайн «Беларусь-5», соединяющий в себе телевизор, проигрыватель и радиоприемник, как у Брагиных, а «КВН» с крохотным

экранчиком и огромной линзой, но зато для того, чтобы посмотреть кинофильм или концерт у Брагиных, нужно было дожидаться приглашения хозяев, а к Бэлле Львовне Наташа заходила запросто.

По телевизору показывали концерт, пел Магомаев, который, по мнению Наташи, был, конечно, не такой красивый, как Марик, но тоже очень ничего. Темноволосый, темноглазый. Она милостиво отдавала ему второе место в СССР по красоте. После него выступала Эдита Пьеха, потом Иосиф Кобзон. Наташе казалось, что Бэлла Львовна слышит доносящиеся из-за стены раздраженные голоса родителей, девочка испытывала неловкость и попросила разрешения прибавить звук.

– Можно, я погромче сделаю? – робко попросила она. – Песня очень хорошая.

И опять во дворе
Все пластинка поет
И проститься с тобой
Нам никак не дает.
Ла-ла-ла... —

громыхнуло в комнате. Бэлла Львовна поморщилась, подошла к тумбочке, на которой стоял телевизор, повернула ручку громкости, убавив звук до разумных пределов.

– Тебе что, так нравится эта песня? – скептически осведомилась она. – Или тебе не нравится, что твои родители ссорятся?

– А чего, песня хорошая, – пробормотала Наташа, правда, не очень уверенно. Она почувствовала, что щеки запылали.

– Ну-ну. А что у тебя в табеле за четверть?

Наташу всегда поражала эта способность соседки все помнить и ничего не упускать из виду. Даже мама с папой не всегда помнили, когда у нее начинаются каникулы и когда положено предъявлять табель с оценками, а Бэлла Львовна всегда знала, когда каникулы, когда у кого из соседей день рождения, годовщина свадьбы или какая другая памятная дата, и даже кто в данный конкретный день в какую смену работает. Ниночка, например, работала телефонисткой в воинской части, работа трехсменная, и часто бывало, что она договаривалась по телефону куда-то пойти, а потом, не кладя трубку, громко кричала:

– Бэлла Львовна, на следующей неделе в среду я в какую смену работаю?

Собственно, Ниночка и сама могла бы подсчитать, но для этого ей пришлось бы сильно напрягаться, при этом с риском допустить ошибку, или вести специальный календарик, а Бэлла Львовна делала это быстро и в уме и уже через пару секунд отвечала:

– На следующей неделе в среду тебе в ночь выходить.

Вот и сейчас неловкие ухищрения Наташи скрыть ссору, происходящую у нее дома, ни к чему не привели, Бэлла Львовна все равно помнит, что сегодня – конец четверти, и понимает, что крик поднялся именно из-за оценок в Наташином табеле.

– Так что тебе выставили за четверть? – терпеливо повторила соседка.

– Там все хорошо, только две тройки.

– Только две тройки! – Бэлла Львовна трагически всплеснула руками. – Нет, вы послушайте это невинное дитя! Две тройки! Откуда они взялись, золотая моя? У тебя не должно быть троек вообще, ты понимаешь? У тебя даже четверок не должно быть. Ты должна быть круглой отличницей. Как мой Марик. Вот с кого ты должна брать пример. Тебе нужно учиться на одни пятерки.

– Зачем? – недоумевающе спросила Наташа.

Ну ладно, учиться без троек – это еще можно понять. Получать в школе только «хорошо» и «отлично» – это почетно и похвально, за это даже грамоты дают. Но одни пятерки? Нет, это

уж слишком. Да и для чего так напрягаться? Вон Марик учился-учился на одни свои хваленые пятерки, а в институт два раза проваливался. Правда, в третий раз все-таки поступил, но уже в другой институт, не в тот, в котором хотел учиться.

– Что – зачем?

– Зачем получать одни пятерки? Вот Марик же не поступил со своими пятерками в институт, даже два раза, – простодушно заявила Наташа.

Бэлла Львовна вдруг сделалась серьезной и зачем-то выключила телевизор.

– Послушай меня, золотая моя, – сказала она негромко, садясь рядом с Наташей на диван, – я скажу тебе одну очень важную вещь, может быть, я скажу ее тебе слишком рано, но лучше раньше, чем опоздать. Ты – девочка, и для тебя существуют другие правила. То общество, в котором мы живем, как нельзя лучше подходит для мальчиков, мальчики могут добиться всего, чего захотят, не прилагая к этому особых усилий. Мальчикам открыта дорога всюду, они могут учиться в школе на одни тройки и потом стать крупными руководителями. А девочки так не могут.

– Почему? – расширив глаза от удивления, спросила Наташа шепотом. Она боялась повысить голос, ей казалось, что соседка раскрывает перед ней страшную тайну.

– Потому что мальчики нужны на любом месте, на любой работе, а девочки нужны только для того, чтобы рожать детей и готовить обеды для мальчиков. И еще девочки нужны на таких работах, которыми не хотят заниматься мальчики, то есть на самых неинтересных, грязных и тяжелых, за которые мало платят. И если девочка не хочет заниматься скучной и грязной работой, если она хочет чего-то добиться в жизни, ей приходится доказывать, что она лучше мальчиков, которые хотят занять это место. А это означает, что она должна очень хорошо учиться, быть дисциплинированной, активной и заниматься общественной работой. Вот ты сейчас октябренок, а тебя хоть раз назначали старшей в твоей октябрятской звездочке?

– Ни разу.

– Вот видишь. Это потому, что ты не активная, ты не пользуешься уважением товарищей. В пятом классе тебя будут принимать в пионеры, и ты должна будешь постараться, чтобы тебя выбрали хотя бы звеньевой, а потом и председателем совета отряда. К восьмому классу ты должна стать председателем совета дружины, тебя примут в комсомол, ты сразу станешь комсоргом класса, тебя заметят в райкоме комсомола, ты проявишь там себя с самой лучшей стороны, и это очень поможет тебе поступить в тот институт, в какой ты сама захочешь, а не в тот, в который сможешь поступить. И только в том случае, если ты получишь образование, о котором мечтаешь, ты сможешь заниматься делом, которое тебе интересно. А занимаясь делом, которое тебе интересно, которое ты будешь любить, ты сможешь достичь настоящих высот в карьере. Только так, и никак иначе. Ни один человек не может сделать блестящую карьеру, если занимается тем, что ему не по душе. Так что все твое будущее закладывается сегодня, и уже сегодня ты обязана начинать трудиться над своей жизнью, не откладывая на потом. Я не очень сложно тебе объясняю? Ты меня поняла?

– Я поняла, Бэлла Львовна. Только я не поняла, а как же Марик? Он же мальчик. И учился на пятерки. Почему же он провалился на экзаменах?

– Золотая моя, кто тебе сказал, что Марик провалился? – грустно усмехнулась соседка.

– Но он же не поступил!

– Это не одно и то же. Он все экзамены сдал на «отлично». Но его не приняли. Без всяких объяснений.

– Но почему?! Так же не бывает!

– Бывает, золотая моя. Марик – еврей. И учиться он хотел в физико-техническом институте. А туда не хотят принимать евреев. Поэтому Марик был вынужден поступать в педагогический институт, куда его с удовольствием приняли. Видишь ли, золотая моя, существуют

отдельные правила для мальчиков, для девочек и для евреев. Тебе не обязательно понимать это, ты просто поверь мне, что это так, и запомни как следует. Запомнишь?

– Запомню, – послушно кивнула Наташа.

– И выводы сделаешь?

– Сделаю, – твердо пообещала девочка.

– Ну и славно. Теперь включай телевизор, давай концерт досмотрим.

Конечно, из слов Бэллы Львовны Наташа поняла далеко не все. Например, почему Марика не приняли в физтех, а в педагогический приняли. О том, что существуют евреи, а также люди, которые их не любят, девочка знала очень хорошо, хотя говорить вслух об этом было не принято. Но все равно, почему в одном институте их любят меньше, а в другом – больше, оставалось непонятным. И про то, что мальчикам все дороги открыты, а девочкам – не все, тоже непонятно, хотя если вдуматься, то ведь и в самом деле, все важные начальники – мужчины. Вот дядя Слава Брагин, к примеру, крупный начальник какого-то треста, а его жена тетя Рита – обыкновенный парикмахер. Или даже ее собственный папа, он начальник какого-то отдела, а мама – лаборантка, печатает на машинке и получает самую маленькую зарплату, всего 60 рублей. Выходит, Бэлла Львовна права, для мальчиков и девочек правила разные, но вот почему это так – понять невозможно.

Вообще Бэлла Львовна – удивительный человек. Она единственная разговаривает с Наташей как со взрослой, а не как с ребенком, нимало не заботясь о том, чтобы девочка ее понимала. А переспрашивать Наташа стесняется. Ведь что получится? Бэлла Львовна считает ее умной и взрослой, раз так с ней разговаривает, а если Наташа начнет переспрашивать и признаваться, что не понимает, Бэлла Львовна сразу увидит, что она еще глупый ребенок. Лучше кивать и делать умное лицо, а потом потихоньку переспросить у кого-нибудь, да вот хоть у Марика. Памятью Наташу природа не обидела, все, что ей говорят, запоминает дословно, поэтому переспросить всегда легко.

Концерт закончился, на экране телевизора появились знакомые плюшевые зверьки, рассказывающие детям на ночь сказку. Эту передачу Наташа уже давно не смотрит, это для самых маленьких, а ей десять лет.

– Бэлла Львовна, а Марик скоро придет? – с надеждой спросила она.

– Он придет поздно, он на дне рождения у товарища.

Бэлла Львовна разлила чай в красивые тонкие чашечки, достала из буфета и поставила на стол зеленую стеклянную вазочку с любимым Наташиным печеньем «курабье». Это печенье продавалось неподалеку на Арбате в магазине «Восточные сладости». На неконтролируемые карманные расходы родители денег почти не давали, выдавали в основном на целевые траты – на школьные завтраки, на кино, на мороженое, на тетрадки и карандаши, на проезд в транспорте. Наташа изо всех сил экономила, старалась лишнего не расходовать, где могла – ходила пешком, на большой перемене выпивала только стакан томатного сока за 10 копеек, но зато сколько радости получала она, пробивая в кассе чек и протягивая его продавщице со словами: «Будьте добры, сто граммов «курабье». Сто граммов «курабье»! Да от одних только слов можно было с ума сойти!

– Садись к столу, золотая моя, – ласково пригласила Бэлла Львовна, – давай чай пить. Чем ты собираешься заниматься во время каникул?

– Отдыхать. – Наташа беззаботно пожала плечами.

– От чего отдыхать? – Соседка, казалось, искренне удивилась.

– Ну как от чего? От учебы. Это же каникулы, их специально придумали, чтобы мы отдохали.

– А ты что, так сильно устала от школы?

Наташа задумалась. Сильно ли она устала? Ну, не так чтобы очень... Просто надоело. Школа – это скучно, это рано вставать, а потом четыре или даже пять уроков сидеть и дрожать от страха, что тебя вызовут. От скуки и страха тоже можно устать, наверное.

– Вот что я тебе скажу, золотая моя, – продолжала Бэлла Львовна. – Ты допускаешь большую ошибку, теряя время на каникулах. Учиться надо всегда, каждый день, постоянно, только тогда от учебы будет толк.

– Так каникулы же! – упрямо возразила девочка. – Вот первого апреля снова пойду в школу и начну учиться. А пока буду целую неделю отдыхать.

– Это неправильно, – голос Бэллы Львовны стал строже, – расслабляться нельзя.

– Но нам же ничего не задали! Как я буду делать уроки, если их не задавали?

– А ты сама себе задай урок.

– Как это?

– Займись чистописанием, решай примеры по арифметике, учись писать без помарок. Да просто читай, наконец! Чтение – это тоже гимнастика для ума и для памяти. Вон посмотри, сколько интересных книжек написано для вас, для детей! Целая «Библиотека приключений», тебе папа специально покупает, а ты к ним даже не притрагиваешься.

Это правда, отец действительно то и дело приносит домой красивые новенькие книжки, синие, зеленые, красные, желтые, но тяги к чтению у Наташи нет, она гораздо больше любит ходить в кино. Была бы ее воля, она бы по пять – нет, по десять раз в день ходила в кино, пусть даже на один и тот же фильм.

В дверь заглянула мама.

– Бэллочка, моя у вас?

– Заходите, – приветливо пригласила Бэлла Львовна, – посидите с нами, мы тут с Наташей чай пьем.

– А ужинать? – Мама сердито посмотрела на Наташу. – Вот ты опять чаю напьешься и ужинать не будешь. Марш домой немедленно.

Наташа быстро сунула в рот еще одно замечательное печенье, слезла со стула и нехотя пошла к двери. Ей ужасно не хотелось уходить из этой чудесной синей комнаты.

* * *

Цвет в ее чувствах и мыслях присутствовал уже тогда, когда маленькая Наташа еще и слова такого не знала. Ей было чуть больше двух лет, когда она, отчаянно рыдая из-за игрушки, которую отобрала мама, потому что пора было укладываться в кроватку и засыпать, вдруг закричала:

– Ты... ты... ты... вот! – и схватилась крохотными пальчиками за темно-коричневую ножку стула.

Злая несправедливость была в ее младенческом сознании окрашена в темно-коричневый цвет, но выразить это она тогда еще, конечно, не могла. Со временем Наташа узнала названия цветов и научилась очень неплохо рисовать акварельными красками, но многие удивились бы, узнав, что для нее не только чувства, но даже обыкновенные цифры имеют свой цвет. Четыре – песочно-желтый, семь – серый, а девять, например, – зеленый. Свои цвета имели и комнаты соседей, причем цвета эти никак не связаны были с настоящими, реальными цветами мебели, обоев или покрывал на кроватях.

Комната Брагиных – светло-серая. На самом деле Брагины были единственными в их квартире обладателями не только холодильника, но и современного румынского мебельного гарнитура «Магнолия». Полированное дерево, сочетание коричневого и светло-желтого в полосочку, тонкие ножки стола, стульев, журнального столика и серванта, ярко-красная обивка низких круглых кресел – все это было модно и шикарно. А если еще прибавить к этому

широкую тахту вместо привычных пружинных кроватей, торшер и телевизор с большим экраном, то обстановка получается совсем уж неземная. Космическая... У Марика на полке стоит несколько светло-серых томов «Библиотеки современной фантастики», Наташа как-то попросила почитать и ничего не поняла, все про космос. Одним словом, эта красно-желто-коричневая комната долгие годы оставалась в ее сознании светло-серой.

У Полины Михайловны с Ниночкой комната, наоборот, темно-зеленая с какими-то бурными разводами, хотя она такая светленькая, в два больших окна, и вся украшена белыми кружевными салфеточками. И буфет у них белый, Полина Михайловна каждые два года его красит, и тумбочки белые, и кровати покрыты кремовыми покрывалами, и на белоснежных подушках – светлые накидки. И ни пылинки, ни соринки. Но Наташу эта показная белизна обмануть не может, девочка все равно знает, что Полина Михайловна часто напивается, а соседей своих ненавидит не просто часто, а вообще каждый день. Брагиных – за новую мебель и модную одежду, Бэллу Львовну – за то, что у нее сын такой умный, в институте учится, Казанцевых, то есть Наташину семью, за то, что в ней есть муж и отец. Разумеется, сама Наташа ни за что не догадалась бы, в чем причина такой непреходящей неприязни, просто однажды она случайно подслушала разговор мамы и Бэллы Львовны, когда они обсуждали Полину. Но постоянную злобу соседки она чувствовала очень хорошо, оттого и комната ее окрашена в буро-зеленые оттенки.

У самих Казанцевых комната обыкновенная, не очень старомодная, без всяких там салфеточек и фарфоровых слоников, на стене висят эстампы, их Люся повесила. При помощи шкафа-гардероба и буфета комната разделена на две зоны, в одной, большой, стоят квадратный раздвижной стол, книжный шкаф и диван, на котором спят мама с папой, меньшая же часть принадлежит Наташе и ее старшей сестре. Туда втиснуты два узких диванчика и крошечный письменный столик. Таких маленьких столиков в магазинах не бывает, папа специально заказывал у знакомого столяра, по мерке, чтобы влез. Днем за этим столиком Наташа делает уроки, а по вечерам Люся что-то пишет. Наташа догадывается, что сестра ведет дневник, но точно не знает. Комната ассоциируется отчего-то с красным цветом, хотя ни одного красного предмета в ней нет, если не считать книжных корешков.

А вот у Бэллы Львовны комната синяя. В ней стоит старинная мебель темного дерева, массивная, с завитушками, на окнах висят тяжелые бордовые портьеры с помпончиками (у всех остальных в квартире – тонкие легкие шторы светлых оттенков), на стенах – картины в золотистых рамках, рамки тоже все в завитушках, наверное, старинные. У Марика есть свой уголок, как и у Наташи с Люсей, но от остального пространства он отделен не мебелью, а красивой китайской раздвижной ширмой. Когда к Бэлле Львовне приходят гости, ширму убирают. Наташа всегда прибегает помогать соседке в такие дни, расставляет посуду, раскладывает серебряные приборы, носит из кухни приготовленные блюда, убирает грязные тарелки, поэтому она знает, что на диване Марика любит расслаиваться толстый добродушный дядя Моня, который курит папиросы одну за одной и показывает смешные фокусы с шариками. Дядя Моня – известный адвокат, он такой толстый, что, кроме него, на диване уже никто больше не помещается, поэтому спальное место Марика в шутку называют «адвокатским креслом». А ширму сначала убирают, а потом достают, когда приходит тетя Тамара. Тетя Тамара живет где-то очень далеко, в Подмоскowie, чтобы добраться до дома Бэллы Львовны в Рещиковом переулке рядом с Арбатом, ей приходится сначала долго идти пешком по бездорожью до электрички, потом ехать почти полтора часа, потом еще на метро от вокзала до «Смоленской». Она появляется в квартире в стоптанных мужских сапогах и старом пальто, держа в руках огромную сумку. Вот тогда и расставляют снова китайскую ширму, тетя Тамара скрывается за ней на несколько минут, а потом все изумленно ахают, когда она выплывает на свет божий в новом платье и в туфлях на шпильках. Тетя Тамара самая старая из гостей Бэллы Львовны, ей в прошлом году исполнилось шестьдесят, но у нее по-прежнему тонкая талия,

которую так красиво подчеркивает изящное платье, и она с легкостью передвигается на высо- ченных тонких каблуках. Друзья Бэллы Львовны Наташу любят, всегда шутят с ней, приносят маленькие смешные подарочки, гладят по голове и называют ангелом-хранителем. А недавно кто-то сказал: «Смотри, Марик, какая невеста для тебя растет. Не вздумай на стороне искать, лучше не найдешь». – «И со свекровью проблем не будет, она свою невестку уже любит», – добавил кто-то, и все засмеялись. Марик тоже смеялся, и Наташа не поняла, приятно ему было это слышать или нет. Сама она тогда жутко покраснела и скорей побежала на кухню за фарши- рованной рыбой. Для Наташи комната Бэллы Львовны – это сочетание одновременно празд- ника и покоя, ожидание чего-то радостного и в то же время чувство безопасности и защищен- ности. Никто ее здесь не обидит, никто не повысит на нее голос. Оттого и цвет у комнаты глубокий синий, а для праздничности – с серебряными звездочками-блестками.

* * *

Увещевания Бэллы Львовны Наташа запомнила, но близко к сердцу не приняла, во время весенних каникул радостно валяла дурака, проводя время в компании своей подружки Инки Левиной. Обе они обожали бесцельно бродить по Арбату, а порой добирались даже до улицы Горького, разглядывали витрины магазинов, нарядно одетых женщин и красивых взрослых мужчин и мечтали о том, как славно будут жить, когда вырастут и смогут носить все эти заме- чательные шубки из искусственного меха, которые только-только вошли в моду, и как вол- шебно будут выглядеть с выкрашенными в желто-белый цвет волосами, подстриженными «под Эдиту Пьеху».

В последнюю четверть учебного года Наташа и вовсе успехов не добила, потому что все мысли были только о долгожданных летних каникулах. Три месяца свободы, при этом как минимум один – в пионерлагере. В прошлом году ей несказанно повезло, по просьбе родите- лей дядя Слава Брагин достал для нее путевку в пионерский лагерь Всесоюзного театрального общества. Лагерь находился в Крыму, и Наташа провела сорок незабываемых дней на берегу моря. А вдруг и в этом году ей улыбнется счастье? Может быть, она снова встретит своих прошлогодних подружек из пермского хореографического училища, с которыми так славно выступала на концерте художественной самодеятельности. У них был общий номер: Наташа пела романс Алябьева «Соловей», а девчонки – одна в белой пачке, другая в черной – танце- вали. Им так хлопали тогда, даже на «бис» вызывали!

Но надеждам не суждено было осуществиться. Наташа так увлеклась мечтами, что рас- сеянность ее перешла все мыслимые пределы, тетрадные листы больше обычного пестрели кляксами и помарками, на уроках чтения она пропускала не только слоги, но даже целые слова, бесповоротно запуталась в окончаниях французских глаголов, и в результате в таблице за год оказалось уже четыре тройки.

Папа с мамой опять долго ссорились и кричали друг на друга, потом отец позвал Наташу, привычно спрятавшуюся у Бэллы Львовны и Марика, и строго сказал:

– Наталья, ты уже большая девочка, тебе десять лет. Пора принимать ответственные решения. У тебя есть выбор. Ты можешь с нового учебного года перейти в другую школу, где учиться будет легче. Там иностранный язык преподают только с пятого класса, весь четвер- тый класс у тебя не будет никакого французского, соответственно и уроков будет меньше. Или ты остаешься в своей школе, но все лето занимаешься. Никаких гулянок, никаких подружек, никаких походов в кино. Ты будешь три месяца сидеть вот в этой комнате и целыми днями писать упражнения, решать примеры и зубрить французские слова.

– А пионерский лагерь? – потрясенно спросила девочка, будучи не в силах поверить услышанному.

– Лагерь? Никакого лагеря! – отрезал отец. – Если хочешь в лагерь – пойдешь в гоголевскую школу.

Переходить в школу имени Гоголя Наташа не хотела. А в лагерь ехать хотела. Выбор был для нее мучительным, отец дал на раздумья два дня и ровно через два дня спросил: что же она решила.

– Я не хочу в новую школу, – уставившись глазами в пол, пробормотала Наташа.

– Значит, будешь заниматься все лето?

– Буду.

– Обещаешь?

– Обещаю. Честное октябрятское.

– Ну что ж, это твой выбор. Потом не жалуйся.

В тот момент Наташа не очень хорошо уловила смысл этих слов. Но прошел месяц, и она поняла. Да еще как поняла!

В это время проходил Четвертый Московский международный кинофестиваль, все кругом только и говорили о нем, со всех сторон слышались названия фильмов, имена актеров и режиссеров, восторженные ахи и охи. Достать билет на внеконкурсный показ было огромным счастьем, а уж попасть туда, где шли конкурсные фильмы, – об этом и мечтать было невозможно. Это – немыслимо, это невозможно представить, это только для небожителей, для тех, кто непосредственно причастен к таинственному и прекрасному миру, именуемому «кино».

Старшая сестра Люся уже несколько дней ходила сияющая, сменив на улыбку свое обычное угрюмое выражение лица. Ее жених Костик, неведомо какими путями и используя неведомо какие связи, раздобыл два билета на конкурсный просмотр. И уже завтра они вдвоем пойдут туда, куда простым смертным путь заказан, и увидят фильм, который никто, кроме завтрашних зрителей, больше никогда в их стране не увидит. Более того, они наверняка смогут увидеть живых звезд, которые обязательно ходят на фестивальные просмотры.

– Как ты думаешь, а Смоктуновский там будет? – спрашивала мама, которая еще с прошлого года находилась под впечатлением «Гамлета».

– Наверняка! – уверенно отвечала Люся.

– А Быстрицкая? – спросил папа, умевший ценить женскую красоту.

– Обязательно.

– А Герасимов с Макаровой? Вот бы посмотреть на них! – мечтала мама.

– А Вертинская с Корневым будут? – влезала Наташа. – А Козаков?

Самым ее любимым фильмом на этот день оставался «Человек-амфибия», и ей даже страшно было подумать, что можно вот так запросто оказаться в одном зале и дышать одним воздухом с этими замечательными актерами. Может быть, даже сидеть с ними рядом. И может быть, даже разговаривать... Ах, как повезло сестре Люсе! Как сказочно повезло! Завтра она всех их сможет увидеть.

Но назавтра случилось непредвиденное. В половине восьмого утра, когда семья Казанцевых сидела за завтраком, раздался телефонный звонок. Люсин жених Костик споткнулся на лестнице, упал и сломал ногу. Разумеется, ни на какой просмотр он пойти не сможет, он в больнице.

– Доченька, возьми с собой Наташу, – предложила мама, когда прошел первый шок от неожиданного известия. О том, чтобы из солидарности с пострадавшим молодым человеком отказаться от фестивального фильма, речь, конечно же, не шла.

Сердце у Наташи замерло. Неужели... Неужели судьба ей улыбнется и преподнесет такой подарок? Неужели она сможет своими глазами увидеть настоящих живых артистов, тех самых, от одного взгляда на экранное изображение которых у нее сладко замирало, а потом начинало восторженно колотиться сердце! Они такие чудесные, такие красивые, такие необыкновенные, такие... Даже слов не хватает, чтобы выразить. Они волшебные, как переливающиеся

перламутровые краски, меняющие оттенок в зависимости от освещения. Они сверкающие, как серебряный дождь. И ей, Наташе Казанцевой, обыкновенной девчонке с Арбата, дано такое счастье – увидеть их. Как хорошо, что маме пришло в голову отправить ее с Люсей, сама Люся наверняка не догадалась бы взять с собой младшую сестренку. Конечно, жаль Костика, он такой славный, лучше бы он не ломал ногу, но если бы он ее не сломал, то Наташа не попала бы на просмотр. Мысленно девочка уже видела себя в огромном зале, среди кинозвезд и разных прочих знаменитых людей. Вот только в чем пойти? Кажется, у нее нет ничего нарядного, такого, чтобы не стыдно было перед Корневым или Козаковым... Все это промелькнуло в голове в одно мгновение и вознесло десятилетнюю Наташу на такие сияющие вершины восторга, что она почти ослепла. И даже не сразу поняла, что происходит, когда раздался голос отца.

– Наташа наказана, – твердо произнес он. – До конца лета никакого кино, мы с ней так договорились.

Мама, однако, не была сторонницей столь суровых мер и попыталась вступить за младшую дочь:

– Но это же совсем другое дело, Саша. Это не просто поход в кино, это шанс, который, может быть, больше никогда ей не выпадет. Ты же видишь, девочка просто бредит кинематографом. Это окажется для нее событием, которое она не забудет всю свою жизнь. Ну Саша!

Но отец был непреклонен.

– Она дала слово, что будет все лето заниматься и ни разу не пойдет в кино.

– Но она и так целыми днями сидит над тетрадками! Она не гуляет, воздухом не дышит, с подружками не играет, только в магазин бегаёт. Девочка вообще зачахнет в четырех стенах, – умоляла мама. – Саша, ты же видишь, ребенок старается изо всех сил, ну пусть она пойдет с Люсей, а? В конце концов, ты должен признать, что Наташа не может провести три месяца за учебниками, это непосильно даже для взрослого человека. У нее каникулы, и ты мог бы сделать поблажку хотя бы на один вечер. Ведь вечерами мы все приходим с работы, и она все равно уже не занимается.

– Я сказал – нет. И закончим на этом. Пусть Люся ходит на просмотр с какой-нибудь подружкой.

Наташа сорвалась с места, умчалась в ванную, накинула изнутри на дверь крючок и дала волю слезам. Улыбка судьбы померкла и мгновенно превратилась в безобразную гримасу.

Из ванной она вышла только после того, как вернувшаяся после ночной смены Ниночка принялась иступленно дергать ручку двери:

– Эй! Кто там заперся и сидит? Наташка, ты, что ли?

– Я, – пискнула Наташа, обессилив от слез.

– Давай открывай, у меня там белье замочено, мне стирать нужно.

Наташа откинула крючок и рванулась в коридор, надеясь проскочить в свою комнату, где уже никого не было, все ушли на работу, и никто не помешает ей всласть предаваться обрушившемуся на нее горю. Но проскочить мимо Ниночки оказалось не так-то просто. Девушка ловко перехватила ее и повернула лицом к себе.

– Это что за концерт на летней танцплощадке? Почему рожа опухшая? Почему слезы?

Обхватив Ниночку за талию и уткнувшись мокрым лицом в ее пышную юбку-«колокол», Наташа снова разрыдалась. Понемногу соседке удалось-таки добиться от нее более или менее внятных объяснений.

– Да ты что? – расширив глаза, переспрашивала Нина. – Неужели тебя не пустили?

Наташа отрицательно помотала головой, борясь с новым приступом рыданий.

– Из-за каких-то паршивых троек?

– Угу.

– А Люська что? Даже словечка за тебя не замолвила?

– Не-а.

– Так и сидела молча?

– Да она всегда молчит, она у нас такая, – Наташа попыталась заступиться за любимую сестру.

– Знаешь, что я тебе скажу, Натаха? Твои родители – суки бессердечные. А Люська твоя – сволочь, каких еще поискать. Если бы у меня жених в больницу попал, я бы днем и ночью возле него сидела, по фестивалям не шлялась бы. А ей, выходит, на Козакова посмотреть дороже, чем родной жених. И папаша твой хорош, из-за каких-то паршивых троек тебя такой радости лишил. И мамаша твоя тебе тоже, получается, не защитница. Бедная ты, бедная, никто тебя не любит. – Ниночка сочувственно вздохнула. – Да кончай ты плакать, слезами горю не поможешь.

– Я не могу, – выдавила Наташа, – оно само... плачется... я стараюсь, а оно плачется...

Нина решительно развернула ее и потащила к себе в комнату.

– Давай выпьем по пять граммов, сразу полегчает.

Горе Наташино было столь велико, что она даже не сообразила, о чем говорит соседка. Девочка молча сидела на стуле и тупо смотрела, как Ниночка достает из буфета бутылку с некрасивой этикеткой и разливает в две рюмки прозрачную, как вода, жидкость. «Наверное, это водка», – подумала Наташа с полным и даже удивившим ее безразличием. Нина подняла свою рюмку.

– Давай. За любовь проклятую! – провозгласила она.

Наташа залпом выпила содержимое маленькой рюмочки, закашлялась, все так же молча встала и ушла к себе. Выложила на письменный стол тетрадки и учебники, достала ручку и приготовилась заниматься. Очнулась она только часам к пяти, с удивлением обнаружив, что спит, положив голову на руки поверх тетради с упражнениями по русскому языку. Жутко болела голова, отчего-то тошнило, и очень хотелось пить. С трудом поднявшись, Наташа побрела на кухню, чтобы налить себе воды из-под крана.

На кухне Марик жарил яичницу с колбасой. Из стоявшего на столе желтого приемника «Спидола» раздавалась задорная летка-енка, и юноша притопывал ногой в ритме танцевальной мелодии.

– Что с тобой? – испуганно спросил он, взглянув на Наташу.

– Ничего, – вяло ответила девочка.

– Да ты бледная как полотно! Ты заболела?

– Да... кажется.

– Что у тебя болит? Горло? Температура есть?

Марик наклонился, чтобы губами пощупать ее лоб, и внезапно резко отшатнулся.

– Чем от тебя пахнет?

– Не знаю. – Наташа попыталась пожать плечами, но не удержала равновесия и едва не упала. Марик подхватил ее и усадил на табурет.

– Ты что, пила?

Девочка молчала. Марик начал трясти ее за плечи, громко повторяя вопрос:

– Что ты пила? Когда? Сколько ты выпила? Наташа, отвечай немедленно, что ты выпила и сколько?

– Водку... кажется... Не кричи на меня.

– Сколько ты выпила?

– Не знаю... немножко.

– Сколько немножко? Один глоток? Два? Три?

– Не помню. Кажется, два... или три... не помню.

– Где ты взяла водку? У отца?

– Нина дала.

Кухню от входной двери отделял длинный извилистый коридор, но Марик все равно услышал, как чей-то ключ царапается в замке. Он испуганно оглянулся, потом схватил Наташу в охапку и поволок в свою комнату.

– Не хватает еще, чтобы тебя кто-нибудь увидел в таком состоянии, – бормотал он, снимая с ее ног тапочки и укладывая поверх покрывала на свой диван за ширмой. – Лежи тихонько, я на разведку схожу.

– Я пить хочу, – жалобно промычала она ему вслед.

– Я принесу. Не вставай и не выходи в коридор.

Наташа покорно вытянулась на диване. Как только голова коснулась мягкой подушки, ей сразу стало легче, даже тошнота почти прошла. Марик вернулся через пару минут, в руках у него была бутылка из-под молока, наполненная водой.

– Это Рита, – с облегчением сообщил он. – А когда твои родители должны прийти?

– Мама в половине седьмого, папа в семь.

– А Люся?

– Люся придет поздно, она идет сегодня...

Договорить ей не удалось. Обида и отчаяние снова нахлынули на Наташу, сдавили горло, обожгли глаза слезами. Марик был терпелив, он успокаивал девочку, давал попить, принес ей таблетку от головной боли, протирал ее лицо смоченным в воде носовым платком, заставлял сморкаться, гладил по голове и слушал ее горестную историю. С самого начала, с того момента, как Люсин жених достал билеты на фестиваль, а потом сломал ногу. Наташа Казанцева не любила читать, но зато уж что она умела – так это рассказывать: подробно, последовательно, детально, не забегая вперед и ничего не упуская. Марик слушал молча, не перебивал ее, только качал головой, мол, я понял, продолжай. И только в конце переспросил:

– Как, ты говоришь, Ниночка назвала твоих родителей?

– Суки бессердечные, – добросовестно повторила Наташа.

– А ты сама-то понимаешь, что это такое?

– Примерно. – Наташа попыталась улыбнуться. – Марик, ты не думай, я такие слова знаю.

– И что, сама их говоришь? – нахмурился юноша.

– Нет, что ты, я знаю, что это плохие слова. Грязные.

Марик отчего-то усмехнулся, и Наташе почудилось что-то недоброе в его глазах. Он предложил план действий: сейчас Наташа полежит, и может быть, даже поспит, пока не вернется с работы ее мама. К половине седьмого ей придется встать и пересесть за стол, а предварительно принести из своей комнаты учебники и тетрадки. Маме, а потом и отцу Марик скажет, что занимается с Наташей, проверяет, как она сделала упражнения и решила примеры, объясняет ошибки. И еще он скажет, что они могут не беспокоиться, поужинает Наташа сегодня с ним и его мамой. Сейчас он ходит к Рите Брагиной и договорится с ней, чтобы та пригласила Казанцевых-старших к себе «на телевизор», как раз в восемь часов будут передавать хороший спектакль. Пока родители отсутствуют, Наташа проберется к себе и уляжется в постель. Самое главное, чтобы никто с ней не разговаривал и не смог учуять запах спиртного.

– План понятен? – строго спросил Марик.

– Понятен.

– Голова прошла?

– Почти.

– Тогда постарайся поспать, к половине седьмого я тебя разбужу.

Наташа задремала, свернувшись клубочком. Откуда-то издали ей слышались голоса Бэллы Львовны и Марика, причем голос юноши был грустным, а голос его матери – сердитым. Потом ей показалось, что голоса переместились куда-то в сторону, сначала они звучали совсем близко и приглушенно, как будто люди специально стараются говорить потише, а потом голоса отдалились и зазвучали справа, оттуда, где была комната Полины Михайловны и

Ниночки. Сквозь дрему Наташа улавливала несвязные обрывки фраз: «Как ты могла... Ребенок... Водка... Ничего не соображаешь... Так говорить о ее родителях... Никто не должен знать... Дай слово...» Девочка поняла, что соседи ссорятся из-за нее.

Ровно в половине седьмого, когда по коридору тяжело процокали каблук мамыных туфель, Наташа, умытая и причесанная, сидела за большим столом с Бэллой Львовной и Марином. Раскрытый задачник по арифметике, тетрадка, исписанная ровными столбиками решенных примеров, ручка – ну чем не примерная ученица! Бэлла Львовна выглянула в коридор:

– Галочка, Наташа у нас, она с Марином занимается арифметикой.

На пороге комнаты появилась мама, усталая, в старом платье в цветочек, с кошелкой, из которой торчал белый батон и бутылка кефира с зеленой крышечкой.

– Ты обедала? – спросила она, глядя издали на Наташу.

Наташа в первый момент растерялась, но выручил Марик:

– Она со мной обедала, Галина Васильевна. Мы ели яичницу с колбасой и помидорами.

– А для кого я, спрашивается, готовлю каждый день? Там суп стоит за дверью, котлеты нажарены, я специально ни свет ни заря вскакиваю, чтобы тебе обед оставить, а ты соседней обедаешь. Как тебе не стыдно!

– Ну-ну, Галочка, не кипятитесь. – Бэлла Львовна подхватила Наташину маму под руку и увела дальше по коридору, прикрыв за собой дверь в комнату.

Они о чем-то долго разговаривали на кухне, потом Бэлла Львовна вернулась улыбающаяся и довольная.

– Все, золотая моя, я тебя отбила. Мы с мамой нашли компромиссное решение, ты будешь ужинать у нас, но я разогрею для тебя суп и котлеты, которые ты не съела на обед. Ты знаешь, что такое компромиссное решение?

– Знаю, вы мне в прошлом году объясняли.

– Ну вот и славно.

Дальше все пошло так, как и было задумано. Пришел отец, но к Бэлле Львовне не заглянул, вероятно удовлетворившись объяснениями жены. Без пяти восемь в коридоре зазвенел голосок Риты Брагиной:

– Бэллочка, Марик, Галя, Саша, Полина Михайловна, Ниночка, приходите к нам спектакль смотреть! Называется «Карьера Артуро Уи, которой могло и не быть»! Постановка Товстоногова! Все бегите скорей, через пять минут начинается!

Возникло некоторое оживление, в комнату снова заглянула мама:

– Бэллочка, Марик, вы идете?

– Я пойду с удовольствием. – Бэлла Львовна поднялась с дивана и накинула на плечи красивую вязаную шаль. – В театре у Товстоногова такие дивные актеры, а в моем телевизоре все такое крошечное, лиц не разглядеть. Говорят, в этом спектакле Луспекаев просто изумителен.

– А Марик?

– Марик пусть с Наташей позанимается.

К девяти часам Наташа лежала в своей постели в пустой комнате и мысленно перебирала минуту за минутой этот день, показавшийся ей таким длинным, хотя половину его она пробыла в забытии. Наверное, Люся и вправду совсем не любит ее, раз не заступилась и не взяла с собой смотреть фильм. Наверное, папе ее совсем не жалко, он уже старый, ему пятьдесят четыре года, и он не понимает, что десятилетняя девочка хочет во время каникул гулять и играть с подружками, ходить в кино и покупать миндаль в сахаре и «курабье» в магазине «Восточные сладости». Наверное, мама ее все-таки любит, но не хочет ссориться с папой, потому что его она тоже любит. В этих рассуждениях все зыбко и пока неточно, над этим она еще подумает, но потом, когда голова станет ясной и тошнота окончательно пройдет. А вот что она теперь знает точно, так это три вещи. Первое: водка – это жуткая дрянь и мерзость. Второе: никому нельзя говорить плохо о его родителях и вообще о его близких. Наташа и сама почувствовала болез-

ненный укол, когда Нина стала обзывать маму с папой и Люсю, ей было неприятно и отчего-то стыдно, а потом, когда Бэлла Львовна кричала на Нину и ругалась, девочка восприняла это как подтверждение: да, Нина поступила неправильно. Плохо она поступила. И не только потому, что дала ей водки, но и потому, что сказала про Наташиных родителей и сестру такие грязные слова. И третье, самое главное: Бэлла Львовна опять оказалась права: если бы Наташа не валяла дурака, не была рассеянной и не предавалась дурацким мечтаниям, а делала бы уроки как следует и в школе была внимательной и собранной, то сейчас сидела бы в огромном кинозале рядом со своими кумирами и смотрела бы фильм «Брак по-итальянски», который никто из ее одноклассников никогда не увидит.

Она уже крепко спала и не слышала, как вернулись родители и как пришла счастливая взбудораженная Люся, как она (редчайший случай!) захлеб рассказывала, кого из знаменитостей видела и кто во что был одет, и какое потрясающее кино она посмотрела, и какая красавица Софи Лорен, и как безумно талантлив Марчелло Мastroяни.

Утром Наташа Казанцева проснулась другим человеком. Пережитая накануне горечь и обида действовали на нее как хлыст. «С сегодняшнего дня все будет по-другому», – сказала она себе и принялась за дело.

* * *

Ей повезло, потому что Марик этим летом никуда не уехал, во время студенческих каникул он пошел работать на почту. С утра Наташа занималась устными предметами, училась бегло читать вслух, не пропуская слоги и слова, зубрила французский, днем решала примеры и задачи с Мариком, а по вечерам, когда приходила Бэлла Львовна, наступало время русского языка, орфографии и чистописания. К концу августа она прошла с ними всю программу четвертого класса по русскому и арифметике.

– Туся, ты жутко способная, – удивленно говорил Марик. – У тебя такая ясная головка и память отменная. Вот ты еще чуть-чуть потренируешься, чтобы окончательно избавиться от своей рассеянности, и станешь первой ученицей в классе.

От этих слов Наташино сердечко таяло. Только Марик называл ее этим смешным именем – Туся. Сокращенное от Натуси. И слышать похвалу из его уст – это ли не счастье? Не говоря уж о том, что теперь они проводили вместе по несколько часов в день, склонившись над столом голова к голове. Наташе очень не хотелось выглядеть дурачком в его глазах, поэтому она изо всех сил старалась не отвлекаться ни на какие мысли и не мечтать о кренделях небесных, а внимательно слушать его объяснения. К немалому ее удивлению, привычная рассеянность понемногу отступала, и ей уже без труда удавалось относительно долгое время оставаться сосредоточенной и не делать дурацких ошибок.

– Она не рассеянная, она мечтательная, – с мягкой улыбкой поправляла сына Бэлла Львовна. – От этого нельзя избавиться, когда человек перестает мечтать, он становится сухим и пресным занудой.

Двадцать восьмого августа вечером, после ужина, Наташа положила перед отцом два учебника за четвертый класс – по русскому и по арифметике, и стопку тоненьких тетрадок в клеточку и в линейку.

– Проверь, пожалуйста, я прошла всю программу за год вперед.

Отец молча взял тетради и учебники, нацепил на нос очки и уселся на диван. Наташа ушла на кухню, помогла матери перемыть посуду и отправилась к Брагиным. Дядя Слава уехал отдыхать в санаторий в Кисловодск, а тетя Рита задумала сделать Марику подарок ко дню рождения – сшить по выкройке из журнала «Работница» такой же пиджак, как у битлов, песнями, прическами и костюмами которых бредила в этом году вся молодежь. Бэлла Львовна тайком от сына купила отрез, а тетя Рита – счастливая обладательница немецкой швейной машинки –

взялась за шитье. Без Наташи в таком деле, конечно же, обойтись не могли, ее зоркие молодые глаза и уверенные точные пальчики позволяли в одно мгновение вдевать нитку в машинную иглу, которую нельзя было, как обычную иголку, повернуть к свету и взять поудобнее. Кроме того, Наташе можно было поручить обметывание швов, стежки у нее получались ровные и красивые, один к одному.

Когда она вернулась к себе, мама посмотрела на нее с гордостью и поцеловала, а отец скупно сказал:

– Молодец. Далеко пойдешь. Голова работает, и слово держать умеешь.

Достал из кошелька красную десятирублевую купюру и протянул дочери.

– Держи вот, купишь себе тетрадки и все, что нужно, к новому учебному году.

– Этого много, – робко возразила Наташа, – мне столько не нужно. Тетрадки по две копейки, карандаши по три, ластик по копейке, а линейка у меня еще хорошая, и ручка тоже. Ну там еще чернила, альбом для рисования и краски, но мне трех рублей на все хватит.

– Бери, бери, в кино сходишь, мороженое купишь или конфет каких-нибудь. Заслужила.

Пряча огромное, немислимое богатство в карман, Наташа прикидывала, как рационально истратить его, чтобы обязательно купить подарки Бэлле Львовне и Марику, ведь только благодаря им у нее все получилось. Они занимались с ней, тратили на нее свое свободное время. Что же такое им подарить? Наверное, Марику – ручку, она видела еще весной в канцелярском магазине такие красивые ручки с золотистыми колпачками и в специальных футляриках. А Бэлле Львовне она купит пластинку. Какую? Ну ясно же, какую. Однажды Бэлла Львовна, слушая радио, проронила:

– Моцарт, моя любимая Сороковая симфония.

Вот эту-то Сороковую симфонию Наташа ей и подарит.

* * *

Весь год обучения в четвертом классе превратился для Наташи Казанцевой в сплошной праздник. Интенсивные занятия во время летних каникул сделали учебу легкой и совсем не скучной, потому что разве могут наскучить постоянные похвалы и восторги учителей! «Вы только посмотрите, как изменилась Казанцева! Все время была в отстающих, а теперь девочку как подменили. На уроках слушает внимательно, не отвлекается, в тетрадках чистота, у доски отвечает уверенно. Дети, вы все должны брать пример с Наташи. Наташа, выйди к доске и расскажи нам всем, как ты за одно лето научилась писать без помарок». Она стала центром всеобщего внимания в классе и среди учителей, получала сплошные пятерки, ее хвалили на родительских собраниях, после которых мама приходила домой довольная и сияющая. И табели с оценками за четверть теперь было не страшно приносить и показывать отцу.

Общему радостному настроению способствовало и то, что теперь появилось два новых праздника. В октябре впервые отмечали День учителя, все пришли в школу с букетами астр и гладиолусов, а многие несли в руках еще и пучки желто-красных кленовых листьев. Девочки были в белых передничках, учителя никому не ставили двоек, после уроков в актовом зале прошел замечательный концерт художественной самодеятельности, одним словом, получился настоящий праздник! А весной случилось еще одно приятное событие – Международный женский день 8 Марта объявили нерабочим днем. Вот уж радость была – нежданно-негаданно образовался еще один выходной, когда можно не ходить в школу!

Четвертый класс Наташа закончила круглой отличницей и получила похвальную грамоту. По этому поводу мама испекла торт и позвала в гости на чаепитие всех соседей. Дядя Слава Брагин, как всегда, не смог прийти, он очень занят и возвращается домой поздно, зато тетя Рита подарила Наташе красивую книжку в красном переплете «Приключения Незнайки и его друзей». Увидев это, Марик усмехнулся:

– Ритуля, такие книжки дети читают во втором классе, а Туся у нас уже большая, ее на будущий год в пионеры принимать будут.

Тетя Рита смутилась, и Наташа тут же кинулась ее защищать:

– Ну и что, что в пионеры, а я эту книжку еще не читала. Спасибо большое, тетя Рита, я обязательно прочитаю про Незнайку, вот прямо завтра и начну.

– Ты не читала про Незнайку? – удивился Марик. – Ну, Туся, мне за тебя стыдно. Книги надо читать, а то получится из тебя необразованная отличница.

– Как это? – растерялась Наташа.

– А очень просто, – подхватила Бэлла Львовна. – Пятерки в школе – это гарантия минимальных знаний, но на одних этих знаниях в жизни далеко не уедешь. Ты научишься хорошо считать и писать без ошибок, а поговорить с тобой будет не о чем. Вот понравится тебе мальчик, вы пойдете с ним гулять, он тебя спросит: «Наташа, тебе кто больше нравится, Джек Лондон или Фенимор Купер?» А ты и ответить не сможешь. Мальчику станет скучно с тобой, и он больше не позовет тебя гулять.

– Ну, положим, про мальчиков ей думать еще рано, – добродушно пробасил отец, – но Бэлла Львовна права, читать надо. Вон сколько книг в доме, а ты хоть бы одну в руки взяла.

Наташа покраснела, ведь ее стыдили при Марике, а хуже этого ничего не может быть. Сиреневые тома Джека Лондона действительно стояли на книжной полке, и Фенимор Купер у них был в зелено-оранжевом переплете. И много других книг. Ну почему все постоянно талдычат одно и то же: читать, читать, читать... А она кино любит.

– Между прочим, – заметил Марик, – твой любимый фильм – «Человек-амфибия», а книжку ты читала? Ведь как интересно было бы прочесть книгу и посмотреть, чем она отличается от того, что ты видела в кино.

– А разве есть такая книжка?

– Здрасьте, приехали! – Марик картинно развел руками. – Туся, ты меня просто поражаешь. Конечно, такая книжка есть, ее написал Александр Беляев. Хочешь, дам почитать?

Он вышел и через несколько минут вернулся с книгой. Отдав ее Наташе, Марик сел не туда, где сидел раньше, а рядом с Ниночкой. Он был такой красивый, в черном «битловском» пиджаке, который сшила для него тетя Рита Брагина, с волнистыми темными волосами и блестящими выпуклыми глазами, и Наташе отчего-то было тревожно и неприятно видеть его рядом с хорошенькой Ниночкой, тоже темноволосой и темноглазой, только лицо у нее было не смуглое, как у Марика, а белое-белое. На Ниночке надето ярко-красное платье с облегающим лифом и на тонких бретельках, на губах ярко-красная, как платье, помада, в ушах – крупные серьги из янтаря, и вся она сверкает и переливается, как новогодняя елка. Только Наташа ничего этого не видит, для нее Ниночка, сидящая рядом с Мариком и загадочно улыбающаяся, окрашена в холодный голубоватый цвет. Это цвет опасности. Когда Наташе было шесть лет, мама учила ее зажигать газовую плиту. Девочка ужасно боялась голубого пламени, и с тех пор все опасное для нее было голубым.

Полина Михайловна, мать Ниночки, тоже пришла, сидела надутая и сердитая и то и дело с горестными вздохами начинала сетовать на жизненные неудачи. Мол, не всем так везет с мужьями, как Рите Брагиной, а коль растишь дочку без мужней помощи, так разве можно ждать, что она будет так же хорошо учиться, как Наташа. Бэлла Львовна на это ответила, что она тоже вырастила Марика без мужа, который умер от ран, полученных во время войны, когда сыну было два годика. Но это не помешало мальчику учиться только на «отлично» и поступить в институт. Полина Михайловна буркнула в ответ:

– Нечего сравнивать. Такие, как вы, всегда умеют устроиваться.

Возникла неловкая пауза, и Наташе показалось, что на какое-то мгновение комната оказалась залита оранжевым светом с коричневыми всполохами. Но это длилось лишь секунду, потом рука Ниночки легла на плечо Марика, а Наташин отец, повернувшись к сидящей рядом

Бэлле Львовне, стал накладывать в ее тарелку кусок торта и что-то говорить. Тетя Рита вскочила с места и звонко объявила:

– Предлагаю всем налить в чашки чай, попробовать замечательный торт нашей Галочки и поздравить нашу самую младшую соседку Наташечку с выдающимися успехами в учебе и с получением похвальной грамоты. Ура!

Было очень весело, все шутили, смеялись, пели хором «Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре» и «А за окном то дождь, то снег». И только сестра Люся весь вечер просидела молча, рта не раскрыла.

* * *

С женихом Костиком у Люси отношения разладились как раз после того, как он сломал ногу. Люся не утруждала себя частыми посещениями пострадавшего ни пока он лежал в больнице, ни тогда, когда он с загипсованной ногой сидел дома, ограничивалась только телефонными звонками. А Костик поскучал-поскучал да и развлекся тем, что влюбился в медсестру, которая ухаживала за ним в палате. Люся долго не могла понять, что происходит и почему Костик обижается на нее, ведь это же так важно и так интересно – собраться в университетской общаге и до хрипоты обсуждать «Антимиры» Андрея Вознесенского или «Братскую ГЭС» Евгения Евтушенко, спектакль Театра на Таганке «Добрый человек из Сезуана» или возможности первой электронно-вычислительной машины «Урал». Сама Люся студенткой уже давно не была, она три года назад закончила институт и работала на заводе в конструкторском бюро, но Костик как раз еще учился на факультете журналистики, и у них была общая компания, местом сбора которой стало студенческое общежитие. В общаге не только спорили и обсуждали, там и пели под гитару где-то услышанные и подпольно разученные полублатные песни Высоцкого, изысканные романсы Окуджавы и длинные песни-новеллы Галича, от которых веяло смертным холодом одиночества, запахом лагерных бараков и безысходной тоской предательства. И разве можно было отказываться от таких посиделок ради того, чтобы навестить Костика? Да и нужно ли? Конечно, нельзя сказать, что Люся совсем уж обделяла вниманием своего жениха, она навещала его примерно два раза в неделю, и если бы речь шла просто о приятеле или сокурснике, то этого было бы даже много, но ведь она собиралась выйти замуж за этого человека, жить с ним вместе долгие годы, потому что они и дня не могли провести друг без друга. И вдруг оказалось, что Люся не очень-то и скучает по своему избраннику и вполне может обходиться без ежедневных свиданий с ним, что есть для нее вещи куда более важные и интересные, нежели вечер, проведенный наедине с женихом. Может быть, Люся не любила Костика, а всего лишь рассматривала его как подходящий вариант замужества, не век же в девках-то сидеть, ведь как-никак двадцать семь уже. Может быть, она любила его, но по-своему, любила так, как умела, и в это умение не входили ни внимательность, ни заботливость, ни нежность. Одним словом, Люся Костиком пренебрегла, а он увлекся другой девушкой, и, когда Люся спохватилась, было уже поздно. Роман с медсестричкой развился так стремительно и зашел так далеко, что Люсе осталось только пожинать плоды своей душевной черствости.

Всегда сдержанная и молчаливая дома, Люся Казанцева с тех пор совсем ушла в себя. Она и раньше-то не баловала своих домашних разговорами, а теперь хорошо, если два слова за день произнесет. Высокая и тонкая, с правильными чертами лица и пышными волосами, такими же темно-рыжими, как у матери, Люся казалась своей младшей сестренке почти божеством, недостижимым и непостижимым. Она вся окружена тайной, по телефону разговаривает так тихо, что ничего не слышно, никогда не рассказывает ни о работе, ни о друзьях, никого не приглашает в гости и не знакомит с родителями. По ночам что-то пишет в толстых тетрадках, но дома их не оставляет, уносит с собой. Наташа, сгорая от любопытства, несколько раз спрашивала:

– Люся, а что это ты пишешь? Ты ведешь дневник, да?

– Не твое дело, – сквозь зубы бросала сестра, не поднимая головы.

– Почему не мое? – недоумевала Наташа. – Почему ты не можешь мне сказать? Это секрет, да?

– Отстань, шмакодявка. Ты еще маленькая.

И так всегда. Наташа для нее – шмакодявка, маленькая и неразумная, с которой разговаривать ниже Люсиного достоинства.

Однажды Наташа даже решилась на некрасивый поступок: выдвинула те два ящика письменного стола, которые принадлежали сестре, в попытках отыскать заветные тетради и прочесть, что же в них написано, но потерпела неудачу. Тетрадей там не оказалось, а ведь Люся, включив настольную лампу, писала накануне часов до двух ночи, Наташа это точно помнила, потому что вставала попить воды и посмотрела на часы.

Когда Костик объявил Люсе, что собирается жениться на медсестре, в семье на некоторое время воцарился траур. Люся взяла больничный и несколько дней лежала в постели и плакала, ничего не ела и ни с кем не разговаривала. У Наташи сердце разрывалось от жалости к любимой старшей сестре, она искренне хотела помочь ну хоть чем-нибудь, хотя бы просто вниманием и сочувствием.

– Тебе принести попить? – заботливо спрашивала она Люсю. – Хочешь, я чаю сделаю? Хочешь, я схожу в магазин и куплю тебе что-нибудь вкусное? Хочешь, я попрошу у Марика интересную книжку для тебя? Хочешь, я почитаю тебе вслух? А давай пойдем к Бэлле Львовне на телевизор, там кино хорошее показывают.

Но в ответ слышалось только одно:

– Отстань.

Наташа расстраивалась, ей так хотелось помочь, так хотелось быть полезной, а Люся отталкивала ее. Вот у Наташиной подружки Инки Левиной тоже есть старшая сестра, ее зовут Мила, так эта Мила с Инки глаз не сводит, утром в школу провожает, по воскресеньям ходит с ней в кино и в Парк имени Горького, и Наташу они с собой берут. Мила всегда находит время, чтобы поболтать с сестренкой и ее подружками, помочь с уроками, она не жадничает и дает девчонкам примерять свои шикарные платья и юбки с блузками, которые им, конечно, велики, но все равно красиво. Ах, если бы Люся была такой же, как Мила, если бы она так же любила свою сестру и заботилась о ней, Наташа Казанцева была бы самой счастливой на свете. Но Люся к ней равнодушна, как будто и не замечает, что у ее родителей есть еще один ребенок. Она никак не отреагировала на Наташины школьные достижения и не удостоила девочку ни поздравлением, ни похвалой, ни даже просто добрым словом. Будто все это ее не касается. Живет себе Люся в своей башне из слоновой кости, хрупкая и прекрасная, необыкновенная и не понятая окружающими, и не снисходит до того, чтобы хотя бы взглянуть на обыкновенную земную жизнь.

* * *

Учиться в пятом классе оказалось не так легко, как в четвертом. Во-первых, награжденная похвальной грамотой, Наташа это лето, в отличие от предыдущего, провела так, как и полагается его проводить обыкновенным школьницам; а во-вторых, с пятого класса начинаются разные серьезные предметы: история, география, ботаника, вместо чтения – литература. В первые же две недели нового учебного года Наташа ухитрилась схватить три четверки и даже одну тройку. Сперва она даже растерялась от неожиданности, но сумела быстро взять себя в руки. Она уже была отравлена сладким ядом успеха и всеобщего признания, она уже знала, что такое быть первой и быть лучшей, и возвращаться назад, в болото середнячков, не собиралась. Позорные отметки были исправлены в самое короткое время, и Наташа дала себе слово

больше не расслабляться, ведь впереди сияла новая цель. Первого сентября новый классный руководитель Валентина Михайловна объявила:

– Вы знаете, что в этом году вас будут принимать в пионеры. Самых лучших учеников в пионеры будут принимать в Музее Ленина, всех остальных – здесь, в школе, в музее боевой славы. Для того чтобы заслужить высокую честь быть принятым в пионеры в Музее Ленина, вы должны не только хорошо учиться и получать одни пятерки, но и примерно себя вести в школе и дома, быть вежливыми и аккуратными, уважать старших и слушаться их.

Разумеется, для Наташи и речь не могла идти о том, чтобы ее принимали в пионеры в школе. Только в Музее Ленина! Она будет лучшей и добьется этой высокой чести.

Когда Наташа рассказала родителям о своих планах, отец немного подумал и, скупно улыбувшись, сказал:

– Посмотрим. Если добьешься, если выполнишь то, что задумала, я оформлю подписку на журнал «Советский экран», будешь получать каждый месяц.

– Ур-ра!! – завизжала Наташа, бросаясь отцу на шею.

Да, при всей своей педагогической строгости и непреклонности Александр Иванович Казанцев знал, как сочетать кнут и пряник в воспитании дочери. Наташина любовь к кинематографу отнюдь не ослабевала, наоборот, увлечение становилось все сильнее. На день рождения отец подарил Наташе уже второй альбом для открыток, куда девочка вставляла купленные в киосках цветные фотографии актеров. Другим источником пополнения коллекции стал журнал «Советский экран», откуда Наташа аккуратно вырезала фотографии, наклеивала на кусочки ватмана такого же размера и получала вполне сносную самодельную открытку. Как только дочь начала учиться на пятерки, отец стал регулярно выдавать ей деньги на кино и перестал ругать за то, что она смотрит один и тот же фильм по нескольку раз. Если нравится – пусть смотрит, лишь бы не в ущерб учебе. Фильм «Ко мне, Мухтар!» Наташа посмотрела четыре раза и каждый раз заливалась слезами сначала на том месте, где Мухтар бросается на предавшую его хозяйку, и еще раз – в самом конце, когда он, постаревший и больной после ранения, страдает от собственной ненужности и скучает по прежней работе. На «Берегись автомобиля» она ходила семь раз и знала его практически наизусть, но рекорд был поставлен Наташей на фильме «Звонят, откройте дверь» – двенадцать раз! Она и сама не могла бы объяснить, чем приворожила ее эта кинокартина о жизни школьников, ее ровесников. Может быть, тем, что главная героиня – пятиклассница, как и сама Наташа, – влюблена в своего пионервожатого, которому столько же лет, сколько Марику. А может быть, тем эпизодом, когда актер Ролан Быков выходит на сцену и начинает играть на трубе. В этом возрасте она еще не знала такого понятия «сильная сцена», а только чувствовала, что сердце почему-то сжимается и по лицу текут слезы, которые невозможно остановить, сколько бы раз ты ни смотрела фильм. А вот комедия «Операция Ы и другие приключения Шурика» оставила ее равнодушной. Посмотрела один раз, потом – скорее по привычке и для порядка – второй, и так и не поняла, почему все ребята в классе сходят с ума по этому фильму. На следующий год то же самое повторилось с «Кавказской пленницей». Народ валил на комедию валом, в повседневную речь прочно вошли цитаты вроде «Птичку жалко», «Короче, Склифософский», «Кергуду» или «Спортсменка, комсомолка, отличница и, наконец, просто красавица». А Наташа недоумевала: ну что они все нашли в этом фильме? Ни погрустить, ни поплакать, только одни хиханьки да хаханьки.

К летним каникулам 1967 года Наташа пришла с достойным результатом: очередная похвальная грамота за отличную учебу, две грамоты за победу в районных и городских соревнованиях по легкой атлетике, прием в пионеры в Музее Ленина, и – самое главное! – ее выбрали председателем совета отряда. Она хорошо помнила наказ Бэллы Львовны: ты должна завоевать уважение и авторитет, чтобы тебя выбрали сначала звеньевой, а потом председателем совета отряда. А ей удалось сразу перепрыгнуть через ступеньку и миновать должность звеньевой!

– Поедешь в пионерский лагерь? – спросила мама. – У нас на работе путевки есть.

– Нет, – твердо отказалась Наташа, – я лучше в Москве останусь.

– Опять будешь из кинотеатров не вылезать. – Мама недовольно покачала головой. – Тебе надо больше бывать на воздухе, гулять, а ты в четырех стенах все время сидишь, то в школе, то дома, то в кино своем дурацком.

– Кино не дурацкое, – обиделась девочка.

– Галина, оставь ее, – вмешался отец. – У ребенка есть интерес, это в любом случае лучше, чем бессмысленное гулянье. Ты уже плешь проела своей любовью к свежему воздуху, а что от него толку? На свежем воздухе далеко не уедешь и жизнь не построишь.

– Свежий воздух – это здоровье. – Мама явно начала раздражаться и повышать голос, и Наташа поняла, что вот-вот снова разгорится скандал. И почему родители так любят ссориться по любому пустяку?

Она привычно убежала к Бэлле Львовне, чтобы в тишине и покое синей комнаты переждать домашнюю красную бурю. Почему красную – она точно не знала, просто она так чувствовала, мысленно называя «красной бурей» скандалы, возникающие между мамой и отцом.

– Ты действительно не хочешь ехать в лагерь? – недоверчиво переспросила Бэлла Львовна.

– Не хочу, честное пионерское.

– И ты действительно собираешься каждый день ходить в кино?

– Если денег дадут, – вздохнула Наташа. – Билет на дневной сеанс стоит десять копеек, умножить на девяносто дней – получается девять рублей. Огромные деньги.

– А если ходить в кино каждый день по два раза, то восемнадцать рублей, – засмеялась соседка. – Это уже целый капитал. Ты что-нибудь слышала о переходе количества в качество?

– Нет, – призналась девочка.

– Так вот, тебе нужно всего двадцать копеек в день, чтобы два раза сходить в кино на дневной сеанс. Всего двадцать копеек. Это ведь немного, правда?

– Не знаю, для меня много.

– А для твоих родителей – нет, можешь мне поверить. Сегодня двадцать копеек, завтра двадцать копеек... Это же такие деньги, на которые все равно ничего серьезного не купишь, так что их и не жалко, правда? А за три месяца набегает восемнадцать рублей. Целое платье. Это и называется переходом количества в качество. Ты вот небось сидишь сейчас и думаешь, что твоей маме придется отказаться от нового платья, чтобы ты могла все лето каждый день ходить в кино. Ведь думаешь?

– Думаю, – согласно кивнула Наташа.

– Выбрось из головы, – решительно посоветовала Бэлла Львовна.

– Почему?

– Потому что если ты вспомнишь, сколько денег потратила на кино за всю свою жизнь, то вообще в обморок упадешь. А сколько еще потратишь в будущем? Так что ж теперь, в кино не ходить? Ты мне лучше вот что скажи. Ну, допустим, тебе удастся сходить на два дневных сеанса, но день-то длинный. Все твои подружки разъедутся, кто на дачу, кто к родственникам в деревню, кто в пионерлагерь. И что ты собираешься делать одна до самого вечера?

– Буду читать.

– О, это прогресс. Наконец-то я услышала от тебя разумные слова. А что читать будешь? Сказки и приключения?

– Ну да. И про любовь, – добавила Наташа, слегка смутившись.

– А учебники? Не хочешь подстраховаться перед новым учебным годом? В шестом классе начнутся сложные предметы: физика, химия, алгебра, геометрия. Тебе надо бы заранее настроить голову, чтобы не ударить лицом в грязь, ты ведь теперь председатель совета отряда

– человек ответственный, на тебя остальные равняются, ты всем пример подаешь. Ты должна быть лучшей, быстрее всех схватывать новые знания и лучше всех отвечать у доски.

– Я... – Наташа замялась, и тут Бэлла Львовна нанесла решающий удар:

– Марик тебе помог бы, он до середины августа никуда не уедет.

Марик! Ну конечно! Разве можно от этого отказываться? Да об этом только мечтать можно. И потом, Бэлла Львовна, как всегда, права, председатель совета отряда не имеет права получать тройки.

Это лето 1967 года стало для обитателей коммунальной квартиры в переулке Воеводина (а именно так стал с 1965 года именоваться Решиков переулок) летом больших перемен. В начале июня у Брагиных появился новый телевизор «Электрон» с необъятным – 59 сантиметров по диагонали – экраном, даже большим, чем у их прежней «Беларуси-5». Три дня вся квартира по вечерам собиралась у Брагиных, дабы насладиться невиданно крупным изображением. Теперь можно было даже разглядеть сережки в ушах у женщины-диктора. А к середине июля Наташа узнала, что Брагины скоро переедут, дядя Слава получил от своего треста отдельную квартиру.

– Саша, вы должны немедленно пойти в исполком и добиться, чтобы освободившуюся комнату отдали вашей семье, – ежедневно твердила Бэлла Львовна Наташиному отцу, – это же невозможно – как вы живете четвером друг у друга на головах. Если вы упустите момент, то, как только Брагины выпишутся отсюда, к нам немедленно поделят новых соседей. И еще неизвестно, кто это будет. А вдруг это окажется семья с отцом-алкоголиком и мальчишкой-хулиганом? А у вас девочка растет, вы должны об этом думать.

– Я не могу ходить и просить, – говорил отец.

– Но вы же не выпрашиваете лишнего, ведь вторая комната для вашей семьи – это жизненная необходимость.

– Ничего подобного, – отрезал тот. – Другие и похуже нас живут. В подвальных помещениях ютятся. Им эта комната нужнее.

Тогда Бэлла Львовна переключилась на Наташину маму:

– Галочка, наша квартира – это редчайшее исключение из правила; когда на кухне больше одной хозяйки, неизменно возникают жестокие конфликты. А мы живем практически как одна семья. Нам страшно повезло, что в одной квартире собрались такие уживчивые люди...

– Особенно Полина Михайловна, – вставляла в этом месте мама.

– Да, она пьет, – соглашалась Бэлла Львовна, – но она хотя бы не скандалит и не вредничает. А представьте себе, во что превратится наша жизнь, если сюда въедет семья скандалистов и дебоширов, которые станут водить к себе приятелей-алкашей? Или какая-нибудь жуткая пара молодоженов, к которым каждый день будут вваливаться по два десятка гостей, всю ночь они будут танцевать под громкую музыку, а квартира за неделю превратится в хлев. Мы все поддерживаем здесь чистоту, мы все люди сознательные и места общего пользования убираем строго по графику, а какая-нибудь молодуха в свою неделю убираться не станет, и что тогда? Мы будем за нее мыть туалет, ванну и полы? Да мы же все перессоримся только из-за одного этого!

– Я не знаю, Бэллочка, – робко отвечала мама, – я не умею ходить по начальству. Да и Саша против.

Поняв, что с семьей Казанцевых каши не сварить, Бэлла Львовна обратилась к самому Брагину, и, к всеобщему удивлению, тот ответил:

– Нет вопросов, Бэллочка, я завтра же позвоню председателю исполкома и поговорю с ним.

Вопрос решился быстро и легко. Никто не ожидал, что Брагин, которого все считали нелюдимым и заносчивым, проявит такую оперативность в интересах соседей, которые со дня на день должны были стать бывшими соседями. Все сошлись во мнении, что, в сущности, плохо

знали Славу Брагина, потому что он страшно занятой человек, уходил на работу раньше всех и приходил часов в десять вечера усталый, голодный и злой. Зато его молодая жена Рита была у всех на глазах, и все видели, как она изо всех сил старается ему угодить, достает невесть где самые дефицитные продукты, а также все самое свежее и дорогое на рынке, а не в магазине, как все, и часами колдует на кухне над плитой. «Мой Славочка любит то... Мой Славочка любит это... Славочка терпеть не может, когда пережарено... Славочка недоволен, когда слишком много чеснока...» Славочка, Славочка! А Брагин приходил раздраженный и не склонный ни к каким разговорам, никогда не выходил на кухню (не начальственное это дело), еду ему Рита всегда носила в комнату, а потом выносила на подносе гору грязных тарелок, кастрюлек и мисочек. Даже когда Брагины приглашали к себе смотреть телевизор, то само приглашение неизменно исходило от милой приветливой Риты, а Брагин, если был дома, сидел молча и ни с кем не разговаривал. Вот и сложилось у всех мнение, что их сосед – гордец и бука, а на самом-то деле он оказался милейшим человеком, просто устает сильно на работе, должность ответственная. Тут уж не до досужей кухонной болтовни.

Так что, когда настало время паковать вещи и грузить их в большую машину, всем стало даже как-то грустно. Хорошие люди эти Брагины, жаль, что съезжают.

– Приходите ко мне на работу, я вас без очереди причешу, – говорила Рита, по очереди обнимая всех соседей и смаргивая с покрашенных ресниц слезы.

Сам Брагин пожал всем руки, а Наташу неожиданно поцеловал в макушку и сказал:

– Наслышан о твоих успехах. Молодец, так держать.

Эти слова повергли всех в полное изумление. Никому и в голову не могло прийти, что Рита обсуждает со своим мужем подробности внутриквартирной жизни. И еще меньше можно было ожидать, что Брагин вникает в ее щебетанье и что-то из рассказанного даже запоминает.

В тот же день вечером мама радостно заявила:

– Ну, девочки, собирайте свои вещи, будем вас переселять в отдельное помещение.

Однако отец тут же оборвал ее порыв:

– Погодите, рано еще. Вот оформим все документы, тогда и переселим девочек.

– Но в исполкоме же обещали, – испугалась мама. – Не могут же они передумать, мы и заявление написали, и все подписи собрали и справки. Ты участник войны, они не могут тебя обмануть.

– Мало ли что, – неопределенно ответил он. – Неделя ничего не решает. Сначала получим на руки ордер, тогда и вещи перенесем.

Но опасения отца не подтвердились, ордер они получили без всяких проволочек, видно, Слава Брагин был фигурой значительной и авторитетной. И в этот момент Наташе был нанесен еще один удар.

– Я переселяюсь одна, – объявила сестра Люся, соизволив наконец открыть рот.

– Как это – одна? – оторопела мама.

– Молча. Мне нужна отдельная комната. Я тут с вами с ума сойду, никакой жизни нет.

– Доченька, но как же это?.. – залепетала мама.

Отец рукой отстранил жену и встал перед старшей дочерью.

– Я не позволю тебе диктовать нам условия жизни! – загремел он. – Кто ты такая? Чего ты в жизни добилась, чтобы требовать для себя отдельную комнату? У тебя есть сестра, и ты обязана с этим считаться. Ты ведешь себя как принцесса среди крепостной дворни, мы с матерью это терпели много лет, но сегодня ты перешла все границы! Ты будешь жить в одной комнате с Наташей, и кончено!

– Не буду! Я не собираюсь жить с этой шмакодявкой, я взрослая женщина, мне скоро тридцать, и у меня должна быть своя жизнь.

– Какая своя жизнь? Тебе нужна комната, чтобы мужиков водить?!

Лицо отца налилось кровью, и Наташа испугалась. Никогда еще она не видела его в такой ярости.

– Папочка, – почти закричала она, – пожалуйста, не надо ссориться! Я с удовольствием останусь с вами. Пожалуйста, только не ругайтесь, пусть Люся живет отдельно, а мне с вами будет очень хорошо, я буду о вас заботиться, я буду помогать все-все делать, только не надо кричать и ругаться...

Отец схватил Наташу в охапку, прижал к себе, уткнулся лицом в ее волосы и несколько раз глубоко вдохнул.

– Доченька, – пробормотал он еле слышно, – сердечко мое золотое. – Потом отпустил Наташу и повернулся к Люсе. – Собирай свои вещи и уходи, – произнес он совсем спокойно. – Видеть тебя не хочу.

Конечно, через несколько недель конфликт потерял остроту, отец перестал сердиться и даже не вспоминал о том скандале. Люся переехала в комнату Брагиных, но кушала, разумеется, то, что готовила мать, и посуду за собой не мыла, оставляя эту честь маме и сестре. Однако зайти в ее комнату просто так оказалось невозможным. Люся запирала дверь на ключ даже тогда, когда была дома, и могла запросто не открыть родителям или сестре, ссылаясь впоследствии на то, что устала, уснула и стука не слышала. Первое время такое случалось редко, а потом все чаще и чаще, пока не перешло в систему.

К концу лета у Наташи выкристаллизовалось твердое убеждение в том, что сестра отказалась от нее. Люся ее предала.

* * *

– Бэлла Львовна, а у Марика есть невеста?

Этот вопрос Наташа собиралась задать уже давно, но все как-то смелости не хватало. Подумают еще, что она неспроста интересуется... Конечно, неспроста, она-то сама это знала, но вот всем остальным знать необязательно. Марик уже окончил свой пединститут и работал в школе учителем математики. В глубине души Наташа надеялась, что он придет работать именно в ту школу, где она учится, но его распределили совсем в другое место, куда-то на окраину Москвы. Теперь он куда чаще приходил домой поздно, да и женские голоса просили позвать к телефону Марка Аркадьевича не раз в неделю, как раньше, а три-четыре раза в день. Болезненные уколы пронзали Наташино сердечко, и она мучилась неизвестностью, мечтавшая лишь об одном: чтобы Марик ни на ком не женился, пока она сама не вырастет и не докажет ему, что она – самая лучшая. Сегодня был последний день учебного года, Наташа закончила седьмой класс, с гордостью положила на стол перед родителями сверкающий пятерками табель и охапку грамот: за отличную учебу и примерное поведение, за активную работу в школьной пионерской организации, за подготовку пионерского отряда 7-го «А» класса к городскому смотру строя и песни, за первое место в соревнованиях по бегу и прыжкам в высоту, за участие в работе школьной художественной самодеятельности, за второе место на городской олимпиаде по истории и за первое – на олимпиаде по химии.

Родители похвалили ее и сообщили радостную новость: в этом году им наконец удастся отдохнуть летом всем вместе. Отцу дали путевку в сочинский санаторий, а мама и Наташа поедут вместе с ним, снимут комнату и будут жить рядом. Люся с ними не поедет, у нее свои планы. Вот это было здорово! Только как быть с вошедшими в привычку летними занятиями? Наташа понимала, что только благодаря этим занятиям она легко усваивает новые знания, самые трудные – по математике и физике. А это дает возможность в течение года тратить на домашние задания куда меньше времени, чем требуется всем остальным, ведь задачи по физике и тригонометрии и длинные примеры по алгебре она щелкает как орешки, освобождая время для всего остального – для спорта, самодеятельности, общественной работы, – сло-

вом, для всего того, за что дают грамоты и что делает ее саму заметной фигурой в школе. Не говоря уже о том, что эти занятия – редкая и чудесная возможность проводить время вместе с Мариком, сидеть рядом с ним, слушать его голос, разогревать для него обед и мыть посуду, из которой он ел.

Наташа тут же помчалась к Бэлле Львовне выяснять, собирается ли Марик куда-нибудь уезжать летом, и если собирается, то когда. Оказалось, что Марик с друзьями в июле поедет в Ленинград посмотреть на белые ночи, а в августе он вместе с Бэллой Львовной отправится во Львов к родственникам, но это ненадолго, дней на десять. После этого он еще собирается с двумя товарищами в турпоход на Кавказ, но это пока неточно, все зависит от того, смогут ли эти его товарищи получить на работе отпуск. Марик – учитель, у него отпуск всегда летом, когда в школе каникулы, а его друзья работают в проектно-институте, где все зависит от начальников и от плана.

Наташа с облегчением вздохнула: ее семья поедет в Сочи тоже в августе, так что весь июнь и даже часть июля Марик будет принадлежать ей. Если согласится, конечно.

– Как вы думаете, Бэлла Львовна, Марик сможет со мной позаниматься? – спросила она.

– Думаю, что сможет, – улыбнулась соседка.

Все так удачно складывается, и год закончен успешно, и поездка на море с родителями предстоит, и время для занятий нашлось. Вот только один вопрос мучает Наташу, и никак она не наберется храбрости его задать, но ведь сегодня все так хорошо, просто здорово, может быть, спросить наконец? Она набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

– Бэлла Львовна, у Марика есть невеста?

Соседка, казалось, ничуть не удивилась такому вопросу.

– Насколько я знаю, ничего серьезного у него нет, – спокойно ответила она. – Девушки им, конечно, интересуются, он с ними в кино ходит, в театр, но о женитьбе речь пока не идет. А почему ты спросила?

– Так просто, интересно, – смутилась Наташа.

– Не ври, золотая моя. Ты боишься, что, если Марик женится, он перестанет с тобой заниматься?

«Нет, я вообще боюсь, что он женится, не дождавшись меня!» – хотелось крикнуть Наташе, но она только промямлила:

– Ну да... И вообще, а вдруг он женится и переедет жить в другое место? Я буду скучать по нему, он мне как брат.

– Не беспокойся, – Бэлла Львовна почему-то усмехнулась, – в ближайшее время этого не случится.

Она помолчала и, глядя куда-то в сторону, вдруг добавила:

– Марик у нас однолюб. К сожалению.

Сердце у Наташи упало. Однолюб... Значит, он кого-то любит и на всех остальных внимания не обращает. Но если любит, то почему не женится на ней? Может быть, она его не замечает? Или вообще она замужем. К своим четырнадцати годам Наташа уже прочла достаточно книг и посмотрела достаточно фильмов, чтобы примерно представлять себе, какие драмы разыгрываются из-за неразделенной любви или из-за невозможности по каким-то причинам быть вместе. Ведь и она сама страдает от этой неразделенной любви. Вот уже сколько лет для нее существует только Марик, а он этого даже не замечает.

– Кстати о женитьбах, – добавила Бэлла Львовна, – ты знаешь, что у нас осенью, вероятно, появится новый сосед? Ниночка выходит замуж.

– Правда? – обрадовалась Наташа. – А за кого?

– Знаю только, что его зовут Николай и что он работает на заводе.

– Ой, Бэлла Львовна, и откуда вы все самая первая узнаете?

– Да как же первая, золотая моя, вся квартира знает, что Нина выходит замуж. Целую неделю только об этом и разговоры.

– Да? – совершенно искренне удивилась Наташа. – Я ничего не слышала.

– Ну когда же тебе слышать, ты у нас вся в учебе и в общественной работе. Просто ради интереса попробуй вспомнить, когда ты Нину в последний раз видела?

– Нину?

Наташа задумалась. А в самом деле, когда? Она очень хорошо помнит, что видела Нину в потрясающем брючном костюме из темно-синего с красными полосками кримплена и в голубой блузке. На ногах – синие лаковые туфельки с тупым носом и на широком каблуке. Не девушка – картинка из модного журнала! Но когда же это было-то? Дней пять назад? Или четыре?

– Я видела ее на днях, она еще в брючном костюме была, – неуверенно ответила Наташа.

– В синем с красными полосками? – уточнила Бэлла Львовна. – Так это, золотая моя, было на Девятое мая, Нина в гости ходила. С тех пор она этот костюм не надевала.

– Да не может быть!

– Я тебе точно говорю. Вот полюбуйся, – Бэлла Львовна распахнула створки тяжелого дубового шкафа, – костюм с тех пор здесь так и висит, Нина его ни разу не брала.

– А почему он у вас? – не поняла Наташа.

– Из соображений безопасности. Полина Михайловна грозит его ножницами разрезать и на помойку выкинуть. Дескать, где это видано, чтобы женщины в штанах ходили, как мужики. Она считает, что это неприлично. Так что Ниночку нашу ты не видела по меньшей мере три недели, а ты говоришь – «на днях»! И еще удивляешься, что все новости мимо тебя проходят.

Ну надо же! Три недели пролетели так незаметно! Конечно, перед концом учебного года у Наташи было много хлопот, она же председатель совета отряда и обязана позаботиться о том, чтобы в ее отряде было как можно меньше отстающих, стало быть, надо было уговаривать и убеждать троечников усиленно заниматься и исправлять плохие оценки, надо было искать среди отличников тех, кто возьмется подтянуть их в максимально короткие сроки. Сама Наташа добровольно взялась помочь двум девочкам по русскому языку и одному отпетому двоечнику по химии, сидела с ними после уроков, вдалбливала правила, писала на доске формулы. Ну и результат, как говорится, налицо: девочки исправили тройки на четверки, а двоечник с грехом пополам справился с лабораторной работой по химии и один раз вполне прилично ответил у доски, за что был отмечен учительницей, поставившей ему за год тройку вместо давно запланированной пары. Таким образом, в пионерском отряде, которым командовала Наташа Казанцева, не оказалось за год ни одной двойки ни по одному предмету, а по количеству пятерок и четверок они заняли первое место в пионерской дружине школы имени Поленова, чего, собственно, Наташа и добивалась.

То, что Ниночка выходит замуж за какого-то Колю, это хорошо. Наташе станет спокойнее, ей почему-то становилось не по себе, когда Марик оказывался рядом с Ниночкой, будто искры какие-то между ними пробегали. А вот то, что Марик – однолюб, это плохо. Кого же он любит? Уж не Нину ли? Да нет, оборвала Наташа сама себя, не может быть. Если бы он любил Нину, он бы на ней женился. А может быть, она его совсем не любит? Нет, непонятно. Как можно не любить Марика, такого чудесного, такого умного и красивого, такого доброго и веселого? Он лучше всех на свете. Наверное, он любит какую-то женщину, которая понимает, что Марик – самый лучший, но не может выйти за него, потому что у нее уже есть муж.

С этого дня Наташа стала внимательно присматриваться к Марику, пытаясь уловить какие-нибудь приметы того, что он страдает от безответной любви. Вот он задумался, остановился на середине фразы, объясняя ей очередной раздел по физике, и смотрит куда-то в сторону, наверное, вспоминает о Ней...

– О чем ты думаешь? – тут же спрашивает Наташа.

– О том, как лучше объяснить тебе эту формулу. Я, кажется, не с того начал. Давай попробуем еще раз.

Вот он во время занятий беспокойно поглядывает на часы.

– Ты торопишься? – спрашивает она.

– Не совсем... Но хотелось бы сегодня пораньше закончить.

– Почему? У тебя свидание с девушкой?

– Да нет, не в этом дело.

– А в чем? – допытывается Наташа.

– Мне дали один журнал, я должен его прочесть и завтра утром вернуть.

– А что в журнале? Что-то интересное?

– Роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Мне так повезло, что я его достал! Правда, всего на одну ночь.

Журнал и в самом деле лежит на столе, сквозь мутную кальку, в которую он обернут, голубеет обложка. Наташа недоверчиво открывает его – «Москва», 1967 год, номер 1.

– Так он же старый! – возмущается она. – Позапрошлогодний. Я думала, это что-то новенькое, а это старье какое-то.

– Старье! Что ты понимаешь? Я за ним больше года гонялся, в четыре очереди записывался, чтобы прочитать, вот наконец повезло. Это такой роман, такой... ты не представляешь!

– Какой – такой? – не отставала Наташа. – Интересный?

– Туся, книга совсем не обязательно должна быть интересной, чтобы люди стремились ее прочитать. То есть нет, я не так объясняю... Вот ерунда какая, совсем запутался. Ты «Трех мушкетеров» читала?

– Конечно, ты же мне сам давал эту книгу.

– Тебе интересно было читать?

– Ну... – Наташа поколебалась, обдумывая ответ, потому что «Три мушкетера» ей совсем не понравились: сплошные политические интриги и война, поплакать не над чем. – В общем да, интересно.

– И тебе хотелось бы перечитать роман еще раз?

– А зачем? – удивилась Наташа. – Я же знаю, чем там все кончится.

– Вот видишь, книга, казалось бы, интересная, а перечитывать ее не хочется, потому что сюжет тебе известен. А кроме сюжета, там ничего и нет.

– А что должно быть еще, кроме сюжета?

– Бывает еще кое-что. Не во всех книгах, конечно, но в некоторых бывает. Что-то такое помимо сюжета, и, сколько бы раз ты ее ни перечитывал, каждый раз открываешь что-то новое, то, что раньше пропустил, или не заметил, или не понял. Второй пласт, третий, десятый... Вот «Мастер и Маргарита» как раз такая книга и есть. Я уже один раз ее читал, теперь хочу перечитать.

– Я тоже хочу прочесть, – решительно заявила Наташа.

– Не получится. Я должен завтра утром журнал вернуть, на него большая очередь, и завтра его уже другой человек возьмет. И потом, тебе еще рано читать такие романы, ты ничего не поймешь.

– Что же я, тупая, по-твоему? – с обидой произнесла Наташа.

– Тусенька, ты не тупая, ты очень умная и развитая девочка, просто ты еще маленькая.

– Я не маленькая, мне уже четырнадцать лет! Меня на следующий год в комсомол примут. Джульетте вообще тринадцать было, когда она с Ромео обвенчалась.

– Ну, для комсомола ты уже достаточно большая, а для Булгакова еще маленькая. А что касается Джульетты, то для Ромео она, конечно, была уже взрослой, ему самому-то всего лет пятнадцать было. А вот если бы ему было двадцать пять, она казалась бы ему совсем ребенком.

Все, Туся, давай не будем отвлекаться, у нас по плану на сегодня задачи по оптике. Сейчас их порешаем и на этом закончим.

Дома Наташа спряталась в своем закутке, который стал куда более просторным с тех пор, как из него убрали Люсин диван, и принялась разглядывать себя в висящем на стене зеркале. Волосы в последние годы стали заметно темнеть, раньше они были совсем светлые, а теперь наливаются медно-рыжим оттенком, как у мамы и Люси. Но это – единственное, что у нее от мамы, во всем остальном Наташа – настоящая папина дочка, и нос такой же, прямой и широкий, и губы, и лоб. Почему Люсе так повезло? У нее все от мамы – и тонкие черты лица, и тонкая фигурка, и большие глаза. И даже волосы выются так же красиво, как у мамы на фотографиях двадцатилетней давности. У Наташи же волосы прямые, жесткие и фигура крепкая, с широкими плечами. Правда, учитель физкультуры говорит, что у нее сложение идеальное для занятий спортом, но ей-то что с этого, не собирается же она становиться олимпийской чемпионкой, она физкультуру терпеть не может, а на тренировки и на соревнования ходит только потому, что у нее результаты хорошие, а результат – это победа, а победа – это грамота. И для авторитета полезно. Наташа уже знает, куда будет поступать – во ВГИК, а туда конкурс безумный, талантливых много, а мест мало, поэтому важно, с чем ты придешь в приемную комиссию, только с одним желанием учиться или с рекомендацией горкома комсомола. А чтобы такую рекомендацию получить, надо стараться, стараться и стараться, это ей еще Бэлла Львовна много лет назад объяснила.

Да, для спорта фигура, может, и подходящая, а вот для модных вещей, которые покупают родители ее подруге Инне Левиной, Наташино сложение не очень-то годится. Инка и ее сестра Мила обожают переодевания, и, когда Наташа приходит к подруге, ей всегда дают примерить новые тряпочки. Сестры Левины в них выглядят как кинозвезды, а на себя Наташа наденет – ну урод уродом. Даже жалко! Поэтому она не очень и страдает оттого, что ее собственные родители не покупают ей таких вещей, все равно она в них «не выглядит». А не покупают они модную одежду Наташе не потому, что денег нет, а потому, что достать ее негде. Ведь в магазине тот же брючный костюм, или белую шубку из искусственного меха, или кримпленовое платье, или хорошие туфельки просто так не купишь, надо знать, где и когда их выбросят, или иметь блат, чтобы из-под прилавка продали. У мамы с папой такого блата нет, вот и ходит Наташа одетая кое-как, то есть добротнo, но немодно. Разве может она понравиться Марику в таком виде? Он ведь сам сказал: если бы Ромео было двадцать пять лет, он бы тринадцатилетнюю Джульетту даже не заметил бы. Надо хотя бы прическу сделать более взрослую, а то косы эти...

Решено, завтра же она позвонит тете Рите Брагиной и сходит к ней в парикмахерскую. Ниночка регулярно бегаёт к ней стричься, тетя Рита, как и обещала, пропускает бывшую соседку без очереди. Пусть и Наташу подстрижет.

* * *

Двадцать четыре дня, проведенные в Сочи с родителями, стали для нее настоящим праздником. Им несказанно повезло, комнату удалось снять в первый же день, хотя Казанцевы готовы были к длительным поискам, зная и по собственному опыту, и по опыту знакомых, что порой приходится две-три ночи провести на вокзале или на пляже, прежде чем найдешь постоянное место для ночлега. Справедливости ради стоит сказать, конечно, что нашли они не отдельную комнату, а всего лишь две койки в комнате, где, кроме Галины Васильевны и Наташи, жила еще приехавшая откуда-то с Урала женщина с маленьким сыном. Но и это было чудесно! Ведь комната же, настоящая комната, а не сарай, где ютилась целая семья из пяти человек, и не раскладушка в саду под грушевыми и яблоневыми деревьями. На этих раскла-

душках спят какие-то молодые мужчины, Наташа видит их каждое утро и с сочувствием думает о том, где же они, бедненькие, переодеваются и хранят свои вещи.

Наташа вскакивала ни свет ни заря, умывалась из приколоченного к дереву рукомойника и мчалась на пляж занимать место при помощи двух старых истончившихся от долгой жизни одеял. В первый день они с мамой и отцом долго спорили, где лучше: поближе к морю или, наоборот, поближе к высокому каменному парапету. Родители считали, что лучше находиться рядом с парапетом, по крайней мере, мимо них не будут без конца ходить люди, наступая не только на одеяла, но и на ноги, а то и на голову. Наташа же хотела быть поближе к воде, чтобы, даже загорая, слышать шум моря и вдыхать его особый, чуть горьковатый запах. Родители победили в этом споре, сказав дочери, что если ей так хочется моря, то пусть побольше плавают или сидит у кромки воды.

Дорога до пляжа неблизкая, занимает почти полчаса, но утром она девочке в радость, потому что идти приходится вниз, да и нежарко еще, солнце только-только встало. Зато уход с моря превращался в каторгу: вверх по раскаленному жарой асфальту, все мышцы гудят от непривычно долгого плавания. Отец к обеду уходил в свой санаторий и оставался там до четырех часов, это называлось «тихий час», а Наташа с мамой шли в столовую обедать. Бесконечно длинная очередь, терпеливо дожидавшаяся на солнцепеке возможности войти в душное, тесное, пропахшее комбижиром помещение, потом грязные мокрые подносы, липкие тарелки и приборы, отчаянные попытки найти два свободных места за одним столом, невкусная еда и почти совсем несладкий компот на десерт – все это не вызывало у Наташи ни ужаса, ни отвращения, более того, ей ужасно нравилось. Нравилось, что можно стоять в очереди в одном купальнике, только уже на самом пороге столовой накидывая легкий халатик, нравилось, что можно выбирать еду, а не есть то, что дают, пусть даже выбирать всего из трех супов на первое и четырех блюд на второе, но все-таки выбирать, потому что дома ведь не выберешь, что мама приготовит, то и съешь. Нравилось, что можно не мыть за собой посуду. И вообще, каждый день ходить в настоящую столовую – это ведь почти то же самое, что каждый день обедать в ресторане. Прямо как в кино про взрослую жизнь!

Ужинали они дома, покупали на рынке картошку, помидоры, огурцы и зелень, хозяйка им попала добрая и разрешала пользоваться керосинкой на кухне и кастрюлькой. А две алюминиевые мисочки, вилки, ложки и нож они привезли из Москвы, мама и раньше ездила отдыхать «дикарем» и знала, что нужно брать с собой.

Но самым сладостным становился для Наташи вечер, когда многочисленные приезжие, снимавшие койки у их хозяйки, собирались в саду за длинным деревянным столом, пили чай и вино, ели арбуз и вели всякие разговоры. Напитки и арбуз ее мало привлекали, гораздо интереснее было послушать разговоры, всякие жизненные истории, анекдоты. И кроме того, там был Вадик, высокий, черноволосый, темноглазый, до того похожий на Марика, что Наташа глаз с него не сводила. Вадик приехал с родителями из Мурманска, он впервые в жизни оказался под южным солнцем, непривычная к загару кожа его сразу же обгорела, и ему приходилось сидеть на пляже в рубашке с длинными рукавами. Наташа его от души жалела, он казался ей таким несчастным! Возможно, днем так и было, но вечером Вадик оживал, распрямлялся и уже ничем не напоминал того юношу, который тоскливо сидел на пляже в тени, закутавшись в рубашку и прикрыв ноги полотенцем (обожженная кожа чутко реагировала даже на те жалкие остатки солнечных лучей, которые просачивались сквозь тонкие реечки длинного навеса). Его родители шутили, что их сын – истинное дитя полярной ночи и хорошо чувствует себя только в темноте, ведь поженились они в начале марта, когда полярная ночь еще не кончилась, а родился Вадик в декабре, когда ночь уже наступила.

Однажды, примерно через неделю после Наташиного приезда, Вадик встал из-за стола, где проходили вечерние посиделки, обогнул его и подошел к Наташе.

– Пойдем погуляем, – предложил он так легко и свободно, словно был знаком с ней всю жизнь, – чего с ними сидеть.

– Мне надо у мамы отпроситься.

Наташа с готовностью встала, собираясь подойти к матери. Она была совсем не против погулять с этим мальчиком, так похожим на Марика, только гораздо моложе.

– Не надо, я сам, – остановил ее Вадик.

– Что – сам? – не поняла Наташа.

– Я сам попрошу разрешения у твоей мамы погулять с тобой.

Наташа рот раскрыла от изумления, а когда закрыла – Вадик уже стоял возле Галины Васильевны и что-то тихо говорил ей. Мама улыбалась и кивала, потом повернулась, поискала глазами дочь, снова улыбнулась ей и кивнула. Разрешение получено.

– Слушай, а почему ты это сделал? – спросила Наташа, едва они закрыли за собой калитку и ступили на дорогу, ведущую к центру города.

– Что я сделал?

– Пошел к моей маме меня отпрашивать. Думаешь, если бы я сама попросила, она бы меня не отпустила с тобой гулять? Думаешь, я еще маленькая?

– Я не знаю, маленькая ты или большая, а я уже взрослый и должен сам отвечать за свои поступки. Раз я тебя пригласил, я должен нести за это всю ответственность. Меня так отец учил, – ответил Вадик совершенно серьезно.

– А сколько тебе лет?

– Мне? Пятнадцать.

С ума сойти! Да он всего на год старше ее, а уже чувствует себя совсем взрослым, и разговаривает, как взрослый, и ведет себя соответственно.

– А твой папа – он кто? – поинтересовалась Наташа.

– Он морской офицер.

В его голосе звучала такая гордость, что Наташа не решилась больше задавать вопросы, хотя ей очень хотелось выяснить, чем отцы – морские офицеры отличаются от всех остальных отцов и почему воспитывают своих сыновей не так, как те отцы, которых Наташа знала.

Они долго шли по неосвещенной дороге, о чем-то болтали, рассказывали о своих школьных друзьях, обменивались впечатлениями о виденных кинофильмах и о прочитанных книгах. Про кино Наташа знала куда больше, ведь она не только фильмы смотрела, но и журнал «Советский экран» чуть не до дыр зачитывала и могла со знанием дела рассказывать про Василия Ланового и Татьяну Самойлову, Алексея Баталова и Наталью Варлей, и не только про них, но и про Жана Маре и Милен Демонжо, которых все знали после «Трех мушкетеров» и «Фантомаса». А вот по части книг Вадик явно превосходил ее, и Наташа во время этих ставших ежедневными вечерних прогулок не раз вспоминала Бэллу Львовну. Ну и Марика, разумеется! О нем она никогда не забывала.

Самое большое потрясение Наташа испытала, когда Вадик на лестнице подал ей руку.

– Ты что? – испуганно спросила она. – Зачем это?

– На лестнице мужчина должен подать даме руку в любом случае, а уж на темной лестнице – тем более.

– Выходит, ты – мужчина?

– А кто же я, женщина, что ли? – засмеялся Вадик.

– А я – дама, так, по-твоему?

– Ну не кавалер же! Слушай, у вас в Москве все такие темные?

– Почему темные? – обиделась Наташа. – Просто у нас в Москве эти нежности не в моде. Это у вас в Мурманске женщины – неженки, которых надо за ручку водить, а у нас в Москве женщины сильные и самостоятельные. Понял?

– Ну как не понять! У вас в Москве женщины сильные, зато мужчины слабые, никогда даме не помогут, им это просто в голову не приходит. Давай руку, и пошли вниз, и под ноги смотри, а то споткнешься.

Лестница была длинной, и к последней ступеньке Наташа подумала, что идти, держась за сильную руку, вовсе не противно, даже приятно. А ведь до центра города таких лестниц еще пять. И все длинные. И по всем шести придется еще подниматься на обратном пути.

Через две недели Вадик с родителями уехал, у его отца закончился отпуск, и оставшиеся до отъезда несколько дней Наташа отчаянно скучала по нему, одновременно радуясь тому, что скоро, вот уже совсем скоро увидит Марика. Она сама чувствовала, что сильно изменилась за эти две недели, Вадик сумел-таки каким-то образом внушить ей ощущение собственной женственности и прочно внедрил в ее сознание мысль о том, что быть слабой и нежной и принимать помощь мужчины не только не стыдно, но и во всех смыслах правильно. И не только правильно, но и приятно.

Утром в день отъезда, собирая вещи и надевая вместо купальника и халатика юбку и кофточку, Наташа посмотрела на себя в зеркало и осталась более чем довольна. Рита Брагина сделала ей хорошую стрижку, правда, не тогда, в июне, а перед самым отъездом на юг, когда удалось наконец уломать маму с папой и с кровью вырвать у них разрешение на то, чтобы расстаться с косами. Марик уже уехал с Бэллой Львовной во Львов и новой прически Наташиной не видел. За двадцать четыре дня, проведенных у моря, Наташа не только обрела шоколадный загар, но и похудела, теперь она сама себе казалась тоньше и изящнее. И появилось еще что-то неуловимое, мягкость какая-то, которой раньше не было.

Она уже не хотела ни моря, ни солнца, ни вечерних разговоров в саду, ни прогулок с сыном морского офицера из Мурманска. Она хотела скорей попасть в Москву, в свою квартиру. Она хотела увидеть Марика. Если он отправился в поход, как планировал, то должен был к этому времени вернуться.

* * *

Едва переступив порог квартиры, Наташа почувствовала: что-то не так. В квартире пахло по-другому.

– Ой, как накурено! – всплеснула руками мама. – У кого-то гости, что ли?

– Небось у нашей, – недовольно проворчал отец, доставая ключ и открывая дверь комнаты, – навела мужиков. Я знал, что этим кончится.

Но в квартире стояла тишина, никаких посторонних голосов не слышно. Непохоже, чтобы у Люси были гости.

– Доча, поставь чайник, – попросила мама.

Наташа вышла на кухню и с удивлением увидела незнакомого мужчину. Он сидел на табуретке в голубой майке и в трусах и курил, стряхивая пепел в банку из-под консервов «Бычки в томатном соусе».

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Наташа.

– Привет.

Мужчина медленно повернулся и окинул ее сонными глазами.

– Вы кто?

– Коля. Николай я. Твой новый сосед. Нинкин муж. А ты кто?

– Наташа. Казанцева, – зачем-то уточнила она. – Мы только что приехали из Сочи.

– Отдыхали, стало быть, – мрачно констатировал Николай и снова отвернулся, погружившись в свои мысли.

Нинкин муж... Слова какие-то незнакомые. Никто в их квартире не называл Нину Нинкой, и слышать такое было непривычно. Неужели и свадьба уже была? Как жалко! Опять

Наташа все самое интересное пропустила. Хотя Ниночку понять можно, гораздо удобнее праздновать, когда соседи разъехались, никому не мешаешь, можно по всей квартире гулять, танцевать, петь песни и не бояться, что кто-то уже лег спать.

Вскоре, однако, выяснилось, что никакой свадьбы пока еще не было, она состоится только в сентябре, но поскольку вопрос решенный, то Николай не стал тянуть с переездом и заблаговременно переселился к будущей жене. Через несколько дней для Казанцевых стало очевидным, что сбываются некоторые неприятные пророчества их прозорливой соседки Бэллы Львовны. Ниночкин жених оказался как раз таким человеком, соседства с которым они стремились избежать. Во-первых, он страсть как любил выпить, но при этом категорически не желал употреблять в одиночку и настырно приставал с предложением «принять на грудь по чуть-чуть» сначала к Наташиному отцу, потом к Марику, а потом, не добившись успеха у мужской части обитателей коммунальной квартиры, переключался на женщин, начиная обычно с Галины Васильевны, следом за которой шли Люся (если была дома и соизволяла открыть дверь) и Бэлла Львовна. Но это происходило только в тех случаях, когда дома не было ни Ниночки, ни ее мамы Полины Михайловны, которые с удовольствием составляли ему компанию. Во-вторых, у Николая был громовой голос, который он включал в полную силу, выясняя отношения со своей новой семьей. Вся квартира, замерев от ужаса, слушала буквально через день длинные тирады о том, что «Нинка – лахудра та еще» и что «пусть она спасибо скажет, что я ее такую взял» и с сегодняшнего дня пусть помнят, кто в доме хозяин. Соседи перешептывались, бросая недовольные взгляды на дверь комнаты, из-за которой доносился крик, но понимали, что сделать ничего не могут. Николай кричит не на общей кухне и не в общем коридоре, а у себя дома. Конечно, пока что он здесь не прописан, но это вопрос всего нескольких недель, зарегистрирует брак с Ниной и тут же пропишется. Александр Иванович, Наташин отец, пытался поговорить с новым соседом, но каждый раз все заканчивалось одинаково.

– Иваныч, ты меня не суди строго, – говорил Николай, покаянно бия себя в грудь, – я мужик простой, на заводе работаю, у нас в цехе такой грохот стоит, что, пока не крикнешь во всю глотку, сам себя не услышишь. Привык, понимаешь ли, громко разговаривать, особенно если меня обижают. А они меня обижают, вот поверь моему слову, прямо через день обижают. Я ж не со зла ору, а от чувств.

– Пьешь много, – строго замечал Александр Иванович, – не дело это. И к соседям пристаешь с выпивкой своей. Сколько раз я тебе говорил: у нас квартира непьющая.

– Ну да, – похохатывал Николай, – а теща моя любезная как же? Полина-то Михайловна ни дня всухую не проживет, и ничего, вы ей замечаний не делаете. Да и Нинка моя выпить не прочь, и опять же ничего, вы ей не препятствуете. А ко мне чего цепляетесь?

– Да я не потому, что ты пьешь, – начинал оправдываться Александр Иванович, – это, в конце концов, твое личное дело, но делай его потихоньку, не приставай к нам, особенно к женщинам.

– А как же? – В этом месте лицо Николая начинало выражать полное недоумение. – Одному, что ли, пить? Это, брат Иваныч, признак алкоголизма, верный признак. Человек, если себя уважает, должен пить в компании.

После нескольких попыток обуздать соседа на него махнули рукой. Аргументов, которые могли бы хоть в чем-то убедить Николая, ни у кого не находилось, а сам Коля так искренне извинялся за доставленные неудобства...

Больше всего дружелюбия к нему проявлял, как ни странно, Марик. Он был единственным, кто мог подолгу разговаривать с Николаем, сидя на кухне поздно вечером, когда все хозяйки заканчивали с готовкой и мытьем посуды.

– Он что, нравится тебе? – ревниво спрашивала Наташа, с горечью думая о том, что никогда ее любимому Марику не приходило в голову вот так же посидеть вечером на кухне и поболтать с ней самой.

– А почему он не должен мне нравиться? – отвечал Марик вопросом на вопрос. – Он такой же человек, как и мы все.

– Нет, он не такой, – горячилась девушка, – он грубый и неотесанный, он пьяница и хулиган. Не понимаю, что у вас может быть общего.

– Вырастешь – поймешь, – тонко улыбался Марик. – А пока запомни: он наш сосед, он живет в нашей квартире и будет жить в ней всегда, и мы ничего не можем с этим поделать. Поэтому надо приспособливаться и делать все возможное, чтобы поддерживать с ним хорошие отношения. Вот я отношусь к Коле по-человечески, и он перестал меня цеплять, перестал навязывать совместную выпивку. А Люся, твоя сестра, наоборот, все время на него фыркает и дает понять, что он не человек, а так, животное какое-то. Это его злит, и он специально к ней цепляется при каждой возможности.

Свадьба Нины и Николая превратилась в кошмар, квартиру заполнили незнакомые мужчины и женщины, быстро перепились, громко бранились, кого-то рвало в туалете, кто-то кого-то ударил, и только совместными усилиями Марика и Наташиного отца с трудом удалось предотвратить кровавый мордобой. Наташа едва сдерживала слезы разочарования: она так ждала этого дня, так готовилась, одолжила у Инки Левиной модное кримпленовое платье, темно-красное с яркими желтыми цветами, а ее сестра Мила дала на один день потрясающие итальянские туфли. Наташе так хотелось хорошо выглядеть, ведь придут гости, все будут нарядные и торжественные, и, может быть, ей удастся сесть рядом с Мариком, который будет весь вечер за ней ухаживать, подкладывать в тарелку салат и наливать лимонад. Но все вышло совсем не так, на Наташу никто внимания не обращал, все пили водку или вино, а лимонада на столе вообще не было. Марик к началу застолья опоздал, он водил своих учеников в музей и появился только часам к пяти, его усадили где-то с краю, далеко от Наташи, а минут через двадцать он ушел к себе, и никто, кроме самой Наташи, этого не заметил. Промаявшись в одиночестве еще какое-то время, она тоже сбегала. Разделась в своем закутке, аккуратно сложила платье и туфли, завернула в белую бумагу и отправилась к подружке.

– Ты чего так рано? – округлив глаза, испуганно спросила Инна. – Свадьбу отменили?

– Нет, просто уже все кончилось, – быстро соврала Наташа. – Они с самого утра празднуют. А сейчас все расходятся. Вот, возьми, – она протянула подружке пакет, – платье чистое, я проверила.

Инна небрежно бросила пакет на диван и потянула подружку за руку.

– Ладно, брось, пошли лучше к Милке в комнату, у нее такие пластинки обалденные! Послушаем, пока ее нет.

Они поставили пластинку Ободзинского и с наслаждением погрузились в сладкий голос, с неподдельным трагизмом выводивший:

Только не подведи,
Только не подведи,
Только не отведи глаз.

Слушая эту песню, Наташа всегда представляла себе Марика, именно его глаза были для нее «этими глазами напротив», именно к нему она обращалась, мысленно повторяя вслед за певцом незамысловатые слова модной песенки: «Эти глаза напротив ярче и все темней, эти глаза напротив чайного цвета, эти глаза напротив – пусть пробегут года, эти глаза напротив – сразу и навсегда».

– Да ты чего грустишь? – тормошила ее Инна. – Все в порядке, Нина вышла замуж, теперь она для тебя не опасна. Даже если твой Марик в нее влюблен, все равно ничего не выйдет, так что у тебя еще есть шанс.

– Нет, – покачала головой Наташа, – его мама сказала, что он однолюб. Значит, ему без разницы, замужем она или нет, он все равно будет ее любить.

Инна скинула тапочки и забралась на диван с ногами, она всегда так делала, когда начинался долгий и интересный для нее разговор.

– Слушай, – понизив голос, сказала она, – ты же мне говорила, что твой Марик почти что подружился с этим Колей. Говорила?

– Говорила, – подтвердила Наташа.

– Ну вот, видишь! Если бы он любил Нину, он бы ревновал ее к жениху, а если бы ревновал, то ни за что не подружился бы с ним. Раз он к нему хорошо относится, значит, он не ревнует.

– Ну и что?

– Ну и ничего! Раз он не ревнует Нину, значит, он ее вообще не любит. И можешь успокоиться.

– Ничего себе – успокоиться! Если бы дело было в Нине, я бы успокоилась, она теперь замужем, и Марику все равно ничего не светит, даже если он будет ее любить. А если это не Нина, тогда кто? Я ничего о ней не знаю, а вдруг она свободна? А вдруг он на ней женится?

– Не кричи, – Инна забавно наморщила носик и скорчила подруге рожицу, – что за манера сразу страх нагонять: а вдруг, а вдруг! Ты вот мне скажи, как он вел себя на свадьбе?

– Никак, – пожалала плечами Наташа, – пришел поздно, посидел немножко и ушел.

– По нему видно было, что он переживает?

– Да нет... кажется...

– Непонятно. – Инна переменила позу, усевшись поудобнее и спрятав босые ножки под широкую плиссированную юбку. – С одной стороны, с виду он не страдает, но с другой стороны, немножко посидел и ушел, то есть ему все это было неприятно. Непонятно... Слушай, а почему бы тебе не поговорить с ним, а?

– О чем?

– Об этом. Ну подойди ты к нему и спроси напрямую: мол, Марик, у тебя есть девушка, которую ты любишь? И кто она? Пусть уж он тебе один раз ответит, и ты перестанешь маяться.

– Ты что? – испугалась Наташа. – Как это я спрошу?

– А что? Возьмешь и спросишь. Что в этом такого? Он тебе как старший брат, почему сестра не может задать такой вопрос своему брату? Если бы у меня был брат, я бы все-все-все про его личную жизнь знала. Я про Милкиных ухажеров все знаю, всех видела.

Мгновенная и ставшая привычной зависть снова уколола Наташу: вот если бы у нее с сестрой Люсей были такие отношения, как у Инны с Милой! Люся стала совсем чужой с тех пор, как переехала в отдельную комнату, теперь Наташа по несколько дней с ней не видится. Но идея, поданная подругой, стала прорасти в ее голове и пускать корни. Один раз она решилась и задала мучивший ее вопрос Бэлле Львовне, но ничего конкретного в ответ не услышала, кроме того, что Марик – однолюб и что девушки им интересуются, но пока не намечается ничего серьезного. А что, если и в самом деле спросить у Марика? Может быть, она напрасно, как выражается Инка, нагоняет страх, и Бэлла Львовна имела в виду, что если уж Марик кого-то полюбит, то это на всю жизнь, но пока такая девушка ему не встретилась. А вдруг... вдруг окажется, что он любит ее, Наташу, только ее, и терпеливо ждет, пока она вырастет и закончит школу. Господи, какое это было бы счастье!

* * *

С того дня Наташа с новой силой принялась наблюдать за Мариком, уделяя особое внимание тому, как он на нее смотрит, как говорит с ней, как гладит по голове. По вечерам, лежа в постели, она снова и снова перебирала в памяти свои наблюдения, выискивая признаки осо-

бого отношения к себе со стороны соседа. Иногда такие признаки были налицо, иногда их приходилось собирать по крупицам из всех впечатлений за день, но примерно месяца через два Наташа прочно утвердилась в своих догадках. Напрасно ломала она голову в поисках невидимой соперницы, ее нет и никогда не было, потому что Марик любит ее, Наташу. Тогда чего же он ждет? Почему не скажет ей об этом? Может быть, боится, что она его отвергнет? Вот глупый! Неужели он до сих пор не понял, что он для нее самый лучший и самый любимый? Да, Инка права, надо непременно завести об этом разговор, заставить Марика признаться ей в любви и сказать ему, что она тоже его любит. И все будет чудесно. Они смогут больше не прятать свои чувства друг от друга и от окружающих и будут все свободное время проводить вместе.

Решение было принято, теперь осталось найти подходящий для объяснения момент.

* * *

Очередь в гастрономе на Смоленской площади двигалась медленно, и Наташа, чтобы не скучать, мысленно повторяла список покупок и прикидывала, сколько сдачи останется с пяти рублей, которые дала мама на продукты. Триста граммов колбасы по два рубля двадцать копеек – шестьдесят шесть копеек. Двести граммов сливочного масла по три шестьдесят – семьдесят две копейки. Черный хлеб за четырнадцать и белый батон за тринадцать – двадцать семь. В молочном отделе еще велено взять три пакета молока, синеньких, по шестнадцать копеек, полкило сметаны по рубль пятьдесят – семьдесят пять копеек, и бутылку кефира – еще тридцать. И триста граммов сыра по три рубля за килограмм – девяносто копеек. Потом надо бежать в овощной магазин за картошкой, по десять копеек за килограмм, в пакете три кило, стало быть, еще тридцать копеек. Итого сколько набежало? Четыре рубля тридцать восемь копеек. Останется еще шестьдесят две копейки, так что можно купить молоко не по шестнадцать копеек, трехпроцентное, а по двадцать пять, в красных пакетиках-пирамидках, в нем шесть процентов жирности, поэтому оно вкуснее, хотя и дороже. И сметану взять не по рубль пятьдесят, а по рубль семьдесят, она хоть не такая кислая и жидкая, а ведь сметана нужна маме для теста, она собирается в выходные что-то испечь, наверное, любимый Наташин торт-медовик, он как раз на сметане делается.

Увлеченная расчетами, она вздрогнула, услышав совсем рядом знакомый голос:

– Девушка, я перед вами занимал, вы не забыли?

Перед ней стоял улыбающийся Марик с авоськой в руке.

– Прихожу с работы, а меня мама в магазин посылает, говорит, мол, Наташа только что побежала в гастроном, иди скорее, может, она еще в очереди стоит. Удачно я успел, да, Туся? Давно стоишь?

Наташа взглянула на маленькие часики на кожаном ремешке – подарок отца ко дню рождения.

– Минут сорок. Вставай передо мной, всего три человека осталось.

– Неправильно мыслишь. Вот тебе рубль, возьми для нас двести граммов «Любительской» колбасы, а я пойду в молочный очередь занимать.

Так, сменяя друг друга в очередях, они купили все необходимое. Марик левой рукой легко подхватил тяжелую Наташину сумку, а правую согнул в локте:

– Хватайся, а то скользко, упадешь.

На улице и в самом деле было скользко, декабрьский мороз лизал ледяным языком щеки и нос, холодный ветер засыпал в глаза мелкую снежную крупу. У Наташи моментально замерзли руки, и только тут она сообразила, что в пылу беготни из очереди в очередь сунула перчатки на самое дно сумки, и теперь для того, чтобы их достать, нужно останавливаться, ставить сумку на тротуар и выкладывать все продукты. Ладно, правую руку она засунет в кар-

ман, а вот что делать с левой, которая так хорошо лежит на рукаве у Марика? Не убирать же ее. Ладно, ради такого случая можно и потерпеть, до дома ведь совсем близко.

Однако Марик почти сразу заметил ее покрасневшие пальцы.

– А перчатки где? Потеряла?

– Они в сумке, я их продуктами завалила, – как можно беспечнее отозвалась Наташа. – Да мне и не холодно совсем.

Он остановился, поставил на тротуар Наташину сумку и свою авоську, снял перчатки и протянул ей:

– Возьми, надень, а то лапки отморозишь. Бери, бери, не стесняйся.

– А ты как же?

– А мне не страшно, у меня, как у всех мужчин, кожа толстая.

– Ты обо всех девушках так заботишься? – весело спросила она.

– Не обо всех, а только о некоторых.

– О каких же?

– О самых лучших.

Сердце ее гулко заухало в груди. Вот он, тот момент, когда удобно и уместно задать свой вопрос. Ну же, Наталья, давай, решайся, еще три шага – и дверь подъезда, где они живут.

– Значит, я – самая лучшая? – осторожно спросила она.

– Вне всякого сомнения, – улыбнулся Марик, открывая перед ней дверь.

– Ты не шутишь?

– Ну какие же могут быть шутки. Все знают, что Наташа Казанцева – самая лучшая девушка на свете, спортсменка, комсомолка, отличница и, наконец, просто красавица.

Они уже начали подниматься по лестнице на четвертый этаж, и Наташа чувствовала, что что-то не так, разговор идет по какой-то совсем другой колее и ведет совсем в другую сторону. Осталось пройти всего три этажа. И она решила:

– Марик, а ты кого-нибудь любишь?

И замерла в ужасе перед собственной смелостью.

– Конечно, маму люблю, друзей своих люблю, учеников. И вас всех, моих соседей, тоже люблю.

– Я не это имела в виду. У тебя есть девушка, которую ты любишь?

Марик остановился, удивленно посмотрел на нее:

– Вот это вопрос! Даже и не знаю, что тебе ответить, ты меня совсем ошарашила.

– Ответ правду.

– Зачем? Зачем тебе это знать?

– Мне нужно. Марик, пожалуйста, скажи, мне очень важно это знать.

Лицо его стало неожиданно серьезным. Свободной рукой он погладил Наташу по холодной щеке.

– Туся, никогда не задавай вопрос, если ты не уверена, что готова услышать ответ.

– Но я готова... – запротестовала было Наташа, однако Марик перебил ее:

– Я все сказал. Ты подумай над моими словами. И больше мы это обсуждать не будем, – твердо произнес он.

До квартиры они дошли в полном молчании. «Никогда не задавай вопрос, если не уверена, что готова услышать ответ». Что это должно означать?

* * *

О том, что Ниночка беременна, первой узнала, как всегда, Бэлла Львовна.

– Ты кого хочешь, мальчика или девочку? – приставала к Нине Наташа, которая почему-то страшно обрадовалась. При мысли о том, что в их квартире появится крошечное существо, о котором нужно будет заботиться, у Наташи становилось радостно и тепло на сердце.

– Да мне без разницы, – вяло отмахивалась Нина. – Кто родится – тот и родится.

– А Коля кого хочет?

– Пацана, само собой. Все мужики хотят сыновей.

Теперь Наташа ходила в магазин за продуктами не только для своей семьи, но и для Ниночкиной, ведь Полина Михайловна уже немолодая, да и на работе сильно устает, Нине поднимать тяжести и стоять в душных очередях вредно, а с Коли какой спрос? И если в ванной комнате Нина замачивала белье в тазу, Наташа при первом же удобном случае старалась его постирать. А что такого? Ей не трудно, а Ниночке вредно стоять, согнувшись в три погибели над стиральной доской. Николай, однажды застав Наташу за стиркой своих рубашек, хмыкнул и заявил:

– Решено, начну откладывать с каждой полочки, к лету куплю Нинке стиральную машину. А то пеленки пойдут, распашонки всякие, не вечно же ты ей помогать будешь.

Наташу покорило это «ей». Что значит «ей»? Наташа заботится о Нине просто потому, что больше никому это сделать, Полина Михайловна всегда уставшая и почти каждый вечер пьяненькая, а у Нины, между прочим, муж есть, который обязан ей помогать, но не помогает, пальцем о палец не ударяет, даже за хлебом никогда не ходит, только и знает, что курить на кухне и искать собутыльников. Получается, что Наташа помогает не только Нине, но и ее мужу, делает за него то, что он сам должен был бы делать.

– Ничего, мне не трудно, – сдержанно ответила она, продолжая оттирать изрядно заношенный воротничок Колиной рубашки. – Но если бы ты носил рубашки по три дня, а не по месяцу, мне было бы легче их отстирывать.

– Ишь ты! – фыркнул он. – Мала еще меня поучать. Не больно-то мы нуждаемся в твоей помощи, не хочешь стирать – не надо, в прачечную снесу, там еще лучше постирают и погладят.

Наташа с трудом подавила в себе желание поднять таз с мыльной водой и выплеснуть на соседа. Ну и пусть, она же не для него старается, а для Ниночки и для маленького. А Ниночка всегда благодарит ее за помощь. Правда, как-то вяло и безразлично, но все-таки благодарит. Особенно когда Наташа вместо Нины моет полы в местах общего пользования, надраивает с порошком унитаз, ванну и раковины в ванной и на кухне и отчищает плиту и духовку.

Восьмой класс пролетел для Наташи как одна неделя, она даже толком не успела испугаться предстоящих экзаменов, ведь, помимо учебы и общественной работы, теперь уже не в пионерской, а в комсомольской организации (в том году праздновалось столетие со дня рождения Ленина и двадцатипятилетие Победы, и общественная активность многократно возросла), ей приходилось заниматься хозяйством фактически двух семей. Ну просто ни одной минуты свободной! Она вскакивала в шесть утра и ложилась в одиннадцать, мгновенно засыпала как убитая, и у нее даже не было времени пострадать о Марике.

Экзамены за восьмой класс неотвратимо надвигались, и Наташа вдруг испугалась: она еще никогда не сдавала экзаменов и не знает, что это такое. Одно дело – выучить текущий урок и блестяще ответить у доски, после чего все лишнее можно благополучно забыть, и совсем другое – знать весь пройденный материал одинаково хорошо, уметь доказать любую теорему по геометрии, написать сочинение по любой книге, изученной за последние два года, или связно изложить на французском любую из двадцати тем, в том числе и историю Москвы, биографию и творческий путь русского художника Василия Поленова или характеристику драматургии Жана Батиста Мольера. Когда по французской литературе проходили Мольера, Наташа, конечно, все выучила и ответила так, как надо, но уже на следующий день выбросила выученный текст из головы, освободив место для Бомарше, потом точно так же разделалась

с Бомарше, приступив к изучению творчества Бальзака. А теперь нужно держать в голове все одновременно.

Иринка родилась перед самыми экзаменами, 25 мая. Коля с тещей Полиной Михайловной тут же напились и не выходили из увеселенного состояния целую неделю. Когда нужно было забирать Нину с ребенком из роддома, счастливый отец и не менее счастливая бабушка спали непробудным сном. За молодой мамой отправились Бэлла Львовна и Наташа.

Когда Нина увидела, что муж ее не встречает, она расплакалась.

– Колька где? – спросила она сквозь слезы.

– Дома, – осторожно ответила Наташа. – Ты не волнуйся, с ним все в порядке.

– Конечно, в порядке, пьет небось не просыхая. О господи, угораздило же меня...

– Ниночка, ну что же ты расстраиваешься, – вмешалась Бэлла Львовна, – у тебя теперь ребенок, вон какая чудесная девочка, какая красавица, вылитая мама. А глазки у нее какие?

– Черные, как у меня, – всхлипнула Нина и через силу улыбнулась.

– Вот и славно, вот и чудесно, ты теперь только о ребенке думай, а о плохом забудь. Ты уже решила, как ее назовешь?

– Хочу Ирочкой, Иринкой. Как вы думаете, Бэлла Львовна?

– Замечательное имя, – радостно подхватила та, – просто прекрасное. Будет у нас Ирина Николаевна Савенич.

– Вот еще, придумали тоже, – неожиданно рассердилась Нина. – Не будет она Савенич, будет Маликова, как я. Я ее на свою фамилию запишу, я, когда с Колькой расписывалась, фамилию не меняла.

– Не выдумывай, – строго сказала Бэлла Львовна, – ребенок должен носить фамилию отца. То, что ты не поменяла фамилию, это твое личное дело, хотя я считаю, что ты не права. Взять фамилию мужа – это означает проявить к нему уважение. Николай у тебя и без того не подарок, а ты его провоцируешь. А потом удивляешься, что он на тебя орет.

Родильный дом имени Грауэрмана находился на проспекте Калинина, от их дома не больше километра, поэтому такси решили не брать и пошли пешком. Ребенка несла Бэлла Львовна, а Ниночка держала в руках огромный букет цветов – Наташа все утро бегала по цветочным магазинам, выбирая более или менее приличные тюльпаны.

Остаток дня прошел в хлопотах, ахах и охах, все сгрудились вокруг кровати, разглядывали малышку, поражались ее сходству с Ниночкой. А на следующий день Наташа сдавала первый экзамен – французский язык.

Она и сама чувствовала, что отвечает не самым лучшим образом, тему помнила плохо, сильно волновалась и от страха забывала слова, которые выучила еще в третьем классе. Когда объявляли оценки, учительница сказала:

– Казанцева – ну, Казанцевой мы поставили «пять» только потому, что она все годы очень хорошо занималась, и мы верим, что она нас не подведет. Но отвечала ты, Наташа, плохо. На троечку. Может, ты заболела?

Наташа отрицательно помотала головой.

– Тогда будем считать, что ты переволновалась. Мы же знаем, что ты хорошо владеешь французским, лучше всех в классе. Но на будущее учти: нужно уметь держать себя в руках и в ответственный момент собраться.

Еще никогда в жизни Наташе Казанцевой не было так стыдно.

* * *

Весь девятый класс Наташа проучилась с ощущением нежно-розового цвета, в который окрашивалось все вокруг. Во-первых, Марик ее любит, теперь она в этом не сомневается, даже несмотря на то, что он не воспользовался предоставленной ему возможностью признаться в

этом. Ничего страшного, мужчины все такие, из них слова не вытянешь. Да и разве в словах дело? Она же видит, как он к ней относится, и этого достаточно. Во-вторых, у нее теперь есть Иринка, ее маленькая соседка, о которой можно и нужно заботиться, такая чудесная, такая ласковая и красивая. Наташа каждую свободную минуту проводила с девочкой, сидела с ней, давая Нине возможность сходить куда-нибудь, в кино, например, или к подруге. Наташа была абсолютно счастлива, ведь у нее есть любимый и есть младшая сестренка, которая в ней нуждается. Вот пройдет совсем немного времени, она окончит школу, поступит в институт, они с Мариком поженятся, Иринка подрастет, и Наташа будет водить ее в кино, в театр, в цирк, будет читать ей книжки, учить читать и считать, и все будет так хорошо! Мечты овладевали ею, уводили мысли от учебников и задачников, мешали слушать учителей, объяснявших новый материал, и результат не замедлил сказаться. В первом полугодии в таблице появилось несколько четверок, а за год четверок оказалось куда больше, чем отличных оценок. Комсорг класса Наталья Казанцева перестала быть первой и лучшей в учебе, хотя по-прежнему пользовалась уважением одноклассников.

Увидев таблицу, отец расстроился, но ничего Наташе не сказал, только покачал головой. Мама же пришла в ужас, она успела привыкнуть к тому, что ее дочь – круглая отличница.

– А дальше что будет? – спросила она. – В десятом классе на тройки скатишься? Тебе в институт поступать надо, а ты совсем распустилась, днюешь и ночуешь у Нины, все время проводишь с Иринкой, вместо того чтобы заниматься.

– Ничего не случится, если она не поступит в институт, – вмешался отец. – Она не мальчик, ей армия не грозит. Пойдет поработает годик и снова будет поступать. Наташа у нас девочка упорная и трудолюбивая, она своего добьется, правда, доченька?

– Правда, папа, – с благодарностью ответила она. – Это случайно вышло, честное слово, я даже сама не заметила, как четверки появились. Я буду заниматься все лето, Марик мне поможет. На следующий год это не повторится, я обещаю.

– Марик?

Отец как-то странно взглянул сначала на нее, потом на маму.

– Видишь ли, доченька, я не уверен, что Марик сможет с тобой заниматься этим летом, – осторожно сказал он.

– Но почему?

– Разве ты не знаешь? Марик женится. В конце июня свадьба, и после этого он переедет к жене.

* * *

Из состояния шока Наташа не могла выйти несколько дней. Слава богу, родители отнесли это на счет пестрящего четверками табеля и отнесли с пониманием к тому, что их шестнадцатилетняя дочь целыми днями лежит на диване, отвернувшись к стене, ничего не ест и ни с кем не разговаривает. Точно так же, как лежала когда-то их старшая дочь Люся, узнав, что Костик женится на другой.

На третий день появилась Инна, девочки договаривались пойти посмотреть новое здание Театра кукол, говорят, там какие-то волшебные часы и вообще все очень классно. Наташа слышала три звонка в дверь, но не встала, Инне открыла Нина. Увидев подругу лежащей на диване с опухшим от слез лицом и темными подглазьями, девушка переполошилась.

– Что случилось, Натуля? Кто-нибудь умер?

– Марик женится, – прорыдала в ответ Наташа.

– На ком?

– Не зна-а-а-ю...

– Когда? – продолжала деловитый допрос Инна.

- Скоро уже, в конце июня.
- Почему так внезапно? Она что, беременна?
- Да откуда я знаю! Мне вообще ничего не говорили.

Инна помолчала, потом распахнула настежь окна, отдернула занавески, впуская в комнату летнее солнце.

– Ну и что теперь, будешь так лежать и плакать всю оставшуюся жизнь?

– Я жить не хочу, – простонала Наташа. – Я покончу с собой, я этого не вынесу.

– Не валяй дурака, – спокойно заявила Инна, усаживаясь за письменный столик. – Марик твой, конечно, сволочь, не дождался тебя, но, с другой стороны, может, он тебя и не любил, а?

– Любил! Я точно знаю.

– Откуда? Он тебе говорил об этом? Не говорил. Ты это сама придумала. Ты очень хотела, чтобы он тебя любил, и принимала желаемое за действительное. Все, Наташа, кончай это безобразие, вставай, умывайся, одевайся, пошли куда-нибудь сходим. Мне в честь окончания девятого класса предки червончик подбросили и Милка пятерку подарила, у нас с тобой целых пятнадцать рублей. Можно в кафе сходить, в «Московское» или в «Космос», там такие коктейли – закачаешься!

– Не нужны мне твои коктейли...

– А что тебе нужно? А, поняла, тебе нужен Марик. Послушай, Наташа, ты еще совсем неопытная...

– Можно подумать, ты очень опытная, – огрызнулась Наташа, снова собираясь залиться слезами.

– Я – да, я – опытная, – не моргнув глазом подтвердила Инна. – Потому что я все время в кого-нибудь влюбляюсь, а потом разочаровываюсь или сама парня бросаю, или он меня, это уж как получится. Я знаешь какая закаленная? Меня теперь голыми руками не возьмешь. Думаешь, я не переживала, когда Витька Романов из пятидесят девятой школы меня бросил и стал с Верой Кравченко ходить? А ведь у нас такая любовь была, такая любовь! Целый год не разлучались, все время вместе были, даже уроки вместе делали. Ну и что? Повеситься мне теперь? А ты всю жизнь была влюблена только в одного своего Марика, на других парней внимания не обращала, тебя никогда никто не бросал, вот тебе и кажется, что настала всемирная трагедия. А это совсем не трагедия, можешь мне поверить. Неприятно, конечно, и противно, что и говорить. Но не смертельно. Давай-давай, поднимайся.

– Ты не понимаешь...

– Хорошо, я согласна, я не понимаю, – терпеливо говорила Инна, стаскивая с Наташи одеяло, за которое та судорожно цеплялась, – я полная дура и не понимаю, что твоя любовь к Марику – это совсем не то же самое, что моя любовь к Витьке Романову. У тебя любовь особенная, и Марик твой особенный, и ты сама не такая, как все. Согласна. Но это не означает, что теперь ты должна лежать на своем диванчике и горько плакать, в то время как жизнь идет своим чередом и, между прочим, проходит мимо. В «Художественном» идет новая комедия, называется «Семь стариков и одна девушка», там Смирнитский играет, такая лапочка – закачаешься! Во МХАТе новый спектакль, «Дульсинея Тобосская», в главной роли сам Ефремов, билетов не достать, но я могу папу попросить, он нам сделает. Между прочим, мой папа машину купил, «Жигули», она в точности как итальянский «Фиат», совсем новая модель, у нас в стране раньше таких не было. Можно его попросить, и он нас покатает. Мы с Милкой вчера весь вечер катались, когда он с работы пришел. Знаешь, как классно? Кстати, Милка достала потрясающий парик с локонами, ей так идет – обалдеть! Можно пойти к нам примерить его.

Наташа поневоле вслушивалась в неторопливую Инкину речь, слова подруги одновременно убаюкивали, делая душевную боль не такой смертельной, и пробуждали интерес к жизни. Все-таки Наташа была обыкновенной шестнадцатилетней девушкой, для которой любовь, конечно, стоит на первом месте, но на втором, третьем и десятом местах тоже нахо-

дятся вполне привлекательные вещи. Сочетая длинный непрерывный монолог с активными действиями, Инне удалось дотащить подругу до ванной, умыться ее, напоить чаем и даже запихнуть в отнекивающуюся Наташу два бутерброда с «Докторской» колбасой.

– А теперь одевайся, пойдем гулять, – скомандовала Инна.

– Я не хочу... У меня нет сил.

– А ты через «не хочу». Пошли сначала ко мне, выберем что-нибудь модненькое, потом прошвырнемся по Калининскому и пойдем по бульварам. Мне Милка одну кафешку показала, ее туда очередной ухажер водил, там такие пирожные – закачаешься! Как раз на Гоголевском бульваре.

Через час девушки бодро шагали по проспекту Калинина, разглядывая витрины универмагов «Москвичка» и «Весна». Наташе Инна дала свою белую водолазку – писк моды в этом сезоне – и клетчатую юбку в складку, сама же надела извлеченные из шкафа сестры брюки с жилеткой и водолазку шоколадного цвета, такую шелковистую на ощупь, что хотелось все время гладить ее пальцами. Они прогулялись по бульварам, съели в кафе по два эклера и выпили по чашке кофе с молоком, сходили в кино – в маленьком кинотеатре у Никитских Ворот, где шли старые фильмы, посмотрели «Разные судьбы» с Татьяной Пилецкой и Юлианом Паничем. Обе девушки видели этот фильм впервые и всю дорогу домой горячо обсуждали личную жизнь героев. Инна особый упор делала на то, что уж как герой Панича страстно любил героиню Пилецкой, уж как переживал, когда она ему изменила, даже жить не хотел, а потом все наладилось, он встретил другую девушку, в сто раз лучше, добрее и умнее.

– Вижу, к чему ты клонишь, – горько усмехалась Наташа. – Только никого добрее, умнее и лучше Марика на свете нет. Так что не намекай.

– Да откуда ты знаешь, есть или нет, – горячилась в ответ Инна, – кого ты видела в своей жизни, кроме Марика? Ты же ни на кого внимания не обращала, один Марик для тебя – свет в окошке. Ты хоть раз с парнем в кино ходила?

– Ходила.

– Да? С кем это, интересно знать? – недоверчиво прищурилась Инна.

– С Вадиком.

– С каким еще Вадиком?

– Ну там, в Сочи, два года назад, помнишь, я тебе рассказывала. Вадик из Мурманска.

– Ах этот... Этот не в счет.

– Почему не в счет? – удивилась Наташа.

– Он за тобой не ухаживал.

– А... – начала Наташа и вдруг осеклась.

И в самом деле, ухаживал Вадик за ней или нет? Тогда, в Сочи, ей казалось, что они просто проводят вместе вечера, потому что оказались единственными близкими по возрасту жильцами одного дома. Вадик, уезжая, даже адреса ее не попросил и писем писать не обещал. Однако теперь, пройдя через пристальное наблюдение за поведением Марика и иступленные поиски признаков влюбленности с его стороны, Наташа стала понимать, что те же самые признаки можно было увидеть и в поступках и словах ее южного приятеля. А ведь он почти такой же красивый, как Марик, и умный, книжек много читал, и воспитанный, и добрый. Только он намного моложе Марика, а в остальном... Может быть, Инка не так уж и не права, утверждая, что Марик на свете не единственный? От этой мысли ей стало почему-то грустно. Выходит, ничего необыкновенного в Марике нет, и где-то на Земле, а может быть, даже и по Москве ходят такие же, как он, чудесные, умные, красивые и добрые.

* * *

Все лето Наташа провела вместе с Инной на даче у Левиных в Подмосковье. Она набрала с собой учебников для десятого класса с твердым намерением заниматься каждый день. Все равно Марик женится и уедет из их квартиры, а годовалую Иринку Нина увезла куда-то в деревню, к родственникам Николая. Инна только плечами пожала, увидев перевязанную бечевой стопку учебников, взятых у кого-то из выпускников (новые будут выдавать в школе только в сентябре).

– Ты что, серьезно? – спросила она, насмешливо глядя на подругу.

– А что? Я всегда летом занимаюсь, ты же знаешь. И потом, я папе слово дала, что в десятом классе у меня не будет ни одной четверки в табеле.

– Ну смотри, – Инна притворно вздохнула. – Жалко, конечно, но ничего не поделаешь, раз ты слово дала.

– А что? – забеспокоилась Наташа. – Я не понимаю, о чем ты.

– Натуля, да ты хоть представляешь себе, что такое лето в дачном поселке, где живут одни профессора, академики и известные артисты?

– Не представляю, – честно призналась Наташа. – У нас нет дачи, я только к тебе иногда приезжаю, да и то зимой, на лыжах кататься.

– Вот то-то и оно! Ладно, что я тебе буду рассказывать, сама увидишь.

И Наташа увидела. На много лет запертая любовью к Марику и непомерным честолюбием в четырех стенах своей квартиры, она даже не подозревала, что есть и такая жизнь, полная веселья, шумных компаний, анекдотов, песен под гитару и танцев под магнитофонные записи зарубежных певцов и ансамблей. Она не знала, что можно гулять всю ночь и ложиться только на рассвете, что можно ездить на родительской машине на озеро купаться, жарить шашлыки на берегу, сидеть по вечерам у костра и обмениваться долгими многозначительными взглядами с сидящим напротив сыном врача из Кремлевской больницы или с сыном известного кинорежиссера, а потом бродить с ним, взявшись за руки, по извилистой тропинке вдоль леса, с замиранием сердца думая: «Обнимет или не обнимет? Поцелует или не решится?» Никаких ограничений и запретов на поздние возвращения не налагалось, присматривала за девочками Инкина тетка, с пониманием относившаяся к юношеским забавам и твердо знающая из многолетнего опыта дачной жизни, что в таком почтенном respectable окружении ничего плохого с ее подопечными случиться не может.

Учебники, естественно, были забыты, и мысль о женитьбе Марика не вызвала больше отчаянной боли во всем теле. Так, небольшой укол где-то в области сердца. Спихватилась Наташа только в начале августа, когда из подъехавшей к дому машины Инкиного отца Бориса Моисеевича Левина вылез Александр Иванович, отец Наташи.

– Ну, как вы тут? – добродушно осведомился отец, оглядывая огромный, поросший соснами участок и просторный деревянный дом. – Борис Моисеевич давно меня звал вас проводить, вот, наконец, выбрался. Как, Анна Моисеевна, не очень вам хлопотно с двумя-то девицами на выданье?

Анна Моисеевна, маленькая и кругленькая, как булочка, звонко расхохоталась и замахала руками:

– Что вы, Александр Иванович, какие с ними хлопоты, сами себе приготовят, сами за собой уберут. А у вас вообще не девочка, а клад, все умеет, и печет, и жарит, и варенье варит, и штопает, и огурцы солить умеет. Мне бы такую помощницу каждое лето на один месяц, я бы горя не знала – и вашу семью, и Боренькину, и свою на всю зиму вареньями-солениями обеспечила. Мы с Наташенькой уже сорок банок смородины накрутили и огурцов банок пятнадцать. С завтрашнего дня за капусту возьмемся.

– А у вас свой огород? – удивился Александр Иванович, оглядываясь. – Я не заметил.

– Да что вы, какой огород, на участке ни одной грядки нет, только кусты, вот смородину красную и черную и крыжовник я отвоевала, а больше Боря ничего не разрешает сажать. Мы все на базаре покупаем, здесь дешевле, чем в городе, да и дом большой, места много, есть где развернуться. А в городской кухне разве столько варенья наварить? А капусты столько нашинкуешь?

– Ну, славно, славно, – приговаривал Александр Иванович, выслушивая похвалы в адрес своей дочери. – А с занятиями как? Продвигается дело?

– Да, потихоньку, – промямлила Наташа, мечтая только об одном: не покраснеть и не выдать себя.

Отец пробыл на даче до вечера, вместе с Борисом Моисеевичем стучал молотком, занимаясь починкой полок в погребе, съездил с ним на базар за капустой, выдал Анне Моисеевне деньги за Наташино питание, от которых та шумно и яростно отказывалась, утверждая, что съедает девочка на копейку, а помощи от нее на сто рублей и что, если бы не Наташа, ей, Анне Моисеевне, пришлось бы приглашать помощницу из местных жительниц и платить ей бешеные деньги. Однако Александр Иванович увещаниям не внял, положил конверт с деньгами на стол, помахал всем рукой и отбыл вместе с отцом Инны на сверкающих новеньких белых «Жигулях».

– Мне заниматься надо, – растерянно пробормотала Наташа, глядя вслед удаляющейся машине. – Всего месяц остался.

– Да брось ты, – беспечно махнула рукой Инна. – Ты же способная, ты и так в течение года будешь нормально учиться, если перестанешь все время думать о Марике.

– Нет, – Наташа упрямо покачала головой, – так нельзя. Надо заниматься. Я папе обещала.

– И что, не будешь теперь по вечерам с нами гулять?

– Буду. Заниматься можно и днем.

– А тетке помогать? А купаться на озере? А шашлыки?

– Инка, не расхолаживай меня! – засмеялась Наташа. – Я знаю все твои хитрости и уловки. Время для занятий найти можно, было бы желание. В конце концов, можно отказаться от озера и от шашлыков.

– Ну как знаешь.

Слово свое Наташа сдержала, перестала ездить с ребятами на озеро, выкроив по четыре-пять часов в день для занятий математикой, физикой и химией. Без Марика это оказалось непросто, он умел понятно объяснять, и с его помощью самые трудные темы представляли легкими и доступными. Но Наташа, лежа на одеяле под кустом смородины, упорно продиралась сквозь испещренные формулами страницы учебников, решала задачи, и постепенно в голове прояснялось, и каждая формула укладывалась на свое место, и каждое правило становилось на свою полочку. «Вот и хорошо, – сердито думала девушка, сравнивая приведенный в конце задачника ответ с тем, который получился у нее в тетради, и убеждаясь, что задача решена правильно, – вот и ладно, и без вас обойдусь, Марк Аркадьевич, не очень-то и хотелось. Сама справлюсь. А вы там развлекайтесь со своей молодой женой».

* * *

Ей отчего-то казалось, что жена у Марика должна непременно быть уродливой и глупой, и скорее всего она старше его лет на пять, а лучше на десять. На свадьбу Наташа не пошла, заблаговременно спрятавшись от тяжкого мероприятия на даче у Левиных, так что на невесту ей взглянуть не довелось. Но к концу лета злость как-то утихла, и появилось нормальное человеческое любопытство, диктовавшее Наташе жгучее желание увидеть соперницу. Какая она?

Красивая или нет? Толстая или худая? Высокая или маленькая? Блондинка или брюнетка? Старая или юная? И вообще, кто она такая, откуда взялась, давно ли Марик ее знает?

На некоторые вопросы ответила Бэлла Львовна, поведав Наташе, что Танечка – дочь ее давних знакомых, девочка из очень хорошей семьи, и Марик знает ее с детства. Танечке двадцать три года (стало быть, она моложе Марика), она как раз в этом году закончила медицинский институт имени Семашко по специальности «стоматология», она, конечно, не красавица, но зато умница и прекрасная хозяйка. И как жаль, что Наташа уехала из Москвы и не была на свадьбе, на Танечке было такое изумительное платье, с пышной юбкой и кружевами, и длинная фата до самого пола.

– Да ты ее увидишь, в субботу они придут ко мне на обед, – сказала Бэлла Львовна. – Я могу рассчитывать, что ты мне поможешь? Хочу сделать фаршированную рыбу, а с ней столько возни!

– Конечно, – с готовностью отозвалась Наташа. – Может, мне торт испечь? «Наполеон», Марик его любит.

– Испеки, – радостно согласилась соседка.

Ну вот, мало того что эта пресловутая Танечка не красавица, так Наташа наверняка ее за пояс заткнет своим фирменным тортом. Этот торт даже Анна Моисеевна хвалила, просила рецепт для нее оставить, а уж она-то кулинарка каких поискать. И еще Наташа сделает чудесное ореховое печенье с изюмом, которое ее научила печь Анна Моисеевна.

– Ты что, с ума сошла? – презрительно фыркнула Инна, когда Наташа поделилась с подружкой своими планами. – Зачем тебе это нужно?

– Ну как... – растерялась Наташа.

Зачем ей это нужно? Чтобы Марик увидел и понял... Увидел и понял что? Что она лучше его Танечки? А что, раньше у него не было возможности их сравнить? Разве раньше он никогда не ел собственноручно испеченный ею торт «Наполеон»? Ел, и еще как! И нахваливал. Разве раньше он не видел Наташу? Не разговаривал с ней? Да он шестнадцать лет рядом с ней прожил, и глупо надеяться на то, что он чего-то там в ней не разглядел. И почему Инка всегда умеет заставить ее по-другому посмотреть на очевидные, казалось бы, вещи?

– Инка, и почему ты такая умная? – улыбнулась Наташа. – Ведь мы с тобой одноклассницы, ровесницы, а мне иногда кажется, что ты старше меня раза в два. Или даже в три.

– Во мне живет вековая мудрость многострадального еврейского народа, – расхохоталась Инна.

– Чего-чего в тебе живет?

– Ничего, тебе не понять. Это тетя Аня так всегда говорит.

Фразу Наташа запомнила, но вникать в ее смысл в данный момент не стала – времени не было, пора было идти гулять с Иринкой, которую несколько дней назад привезли из деревни, да и в магазин надо сбегать за изюмом и орехами, печенье она все равно испечет, раз уж решила.

Встреча с соперницей прошла на удивление спокойно и легко, Танечка оказалась, вопреки оценке свекрови, очень симпатичной, с огромными темно-серыми глазами, обрамленными густыми длинными ресницами, с нежным цветом лица и непокорными каштановыми кудрями, рассыпающимися по плечам. Единственным дефектом ее внешности был слишком крупный и длинный нос и явно излишняя полнота, но это с лихвой компенсировалось доброжелательностью, которую буквально источала новоиспеченная жена Марика. Сам Марик казался напряженным и чем-то озабоченным, и Наташе даже показалось, что он испытывает чувство вины. Неужели перед ней, Наташей? Любил ее, а женился на другой. Прямо как в кино.

– Как давно я тебя не видел, Туся, – говорил Марик с вымученной улыбкой.

– Три месяца, – уточнила Наташа, мысленно отметив, что и при жене он продолжает называть ее ласковым именем.

– Ты стала такая взрослая... Как мама, папа? Здоровы?

– И вполне благополучны. У них все в порядке, спасибо.

– А Люся? Как у нее дела?

– Понятия не имею. – Наташа пожала плечами. – Она перед нами не отчитывается и ничего нам не рассказывает, ты же знаешь.

– Да, знаю. А соседи наши как поживают? Нина, Коля?

– Ну что Коля. – Наташа вздохнула. – Коля в своем репертуаре: или сидит на кухне, курит и заполняет карточки «Спортлото», или поддает. Ребенком совсем не занимается. Полина Михайловна тоже, как обычно, напивается каждый вечер и спит. Нина справляется пока, а как дальше будет – не знаю. Она собирается Иринку в ясли отдавать. Да что ты спрашиваешь, Марик, ты ведь всего два месяца здесь не живешь, а что могло измениться за два месяца? Все как было, так и осталось.

Наташа добросовестно отвечала, но видела, что Марику ее ответы совсем неинтересны и вопросы свои он задает из вежливости, чтобы за столом не повисла тишина. Мысли его витают где-то далеко-далеко, и не сказать, чтобы мысли эти были приятными.

После субботнего обеда у Бэллы Львовны Наташа заметно успокоилась. Она вдруг отчетливо и ясно осознала, что изменить ничего нельзя, что все сложилось так, как сложилось, что Марик сознательно и добровольно сделал свой выбор, и тот факт, что выбор этот оказался не в пользу Наташи, надо просто принять и смириться с ним. И жить дальше.

* * *

С женитьбой Марика и его переездом к жене в жизни Наташи образовалась некая пустота, которую она изо всех сил заполняла учебой и общественной работой, а также возней с маленькой Иринкой. Девочка росла непослушной, капризной, любила от души поорать и пореветь, и Наташу по несколько раз за вечер звали на подмогу, ибо справиться с ребенком удавалось только ей. Марик и Таня регулярно приходили на субботние обеды к Бэлле Львовне, и с каждым разом Наташа чувствовала, что боль ее утихает, становится все глуше, теряет остроту. А к маю, когда началась интенсивная подготовка к выпускным экзаменам, она и вовсе перестала убиваться из-за того, что Марик женился. Ну женился и женился, пусть живет с Танечкой долго и счастливо.

Двадцать пятого июня, ровно через месяц после того, как всей квартирой отметили Иринкин второй день рождения, Наташа Казанцева получила на торжественном собрании в актовом зале школы свой аттестат зрелости, в котором не было ничего, кроме пятерок.

А еще через два дня ей позвонил Марик.

– Туся, мне надо с тобой встретиться.

– Так приезжай, я дома, – радостно откликнулась Наташа.

– Нет, Тусенька, только не дома. Давай встретимся и погуляем. У меня к тебе серьезный разговор.

Голова у Наташи закружилась от волнения. Вот оно, то, чего она втайне ждала и на что надеялась. Он понял, что поторопился с женитьбой, он не любит свою Танечку и не хочет жить с ней, он не может без Наташи. И сейчас, буквально через сорок минут, он скажет ей об этом.

К назначенному месту Наташа летела на крыльях, Марик попросил ее прийти в скверик возле церкви у Никитских Ворот. Он уже ждал ее. «Господи, какой же он красивый», – с восторгом думала Наташа, издав себя увидев его, одетого в модные джинсы и черную водолазку.

– Туся, у меня к тебе два сообщения и две просьбы, – начал он без предисловий, глядя на Наташу запавшими потухшими глазами, в которых застыл страх, смешанный с тоской.

– Твои просьбы я выполню, чего бы это ни стоило. А какие сообщения? Хорошие?

– Не знаю. Тебе решать. О господи, Туся, – внезапно простонал он, – если бы ты знала, как мне тяжело.

Он опустился на скамейку и закрыл лицо руками. Наташе показалось, что Марик плачет, и она испуганно обняла его и принялась гладить по волосам.

– Ну что ты, Марик, не надо, успокойся.

Он поднял голову и благодарно посмотрел на нее.

– Ты думаешь, я плачу? Если бы я умел плакать, мне было бы легче. В общем, Туся, не будем откладывать неприятный разговор. Я уезжаю.

– Куда? В отпуск?

– Туся, я уезжаю. Навсегда.

– В другой город? – догадалась Наташа.

– В другую страну. Мы с Танечкой уезжаем в Израиль. У нее там родственники, и нам разрешили выезд для воссоединения семьи.

У Наташи задрожали ноги, и она машинально оперлась локтями на колени, чтобы не было заметно, как ходит ходуном юбка. Да, она знала, что еще год назад евреям разрешили выезжать из СССР, Инка много об этом говорила, рассказывая, как то одни, то другие знакомые их семьи уезжают. Но все это происходило с людьми, которых Наташа не знала и никогда не видела. И вот теперь Марик...

– А когда ты вернешься? – тупо спросила она.

– Никогда. Туся, туда дают билет только в один конец. Я уеду и больше никогда не вернусь. И никогда больше не увижу маму. И тебя не увижу.

– Но почему, Марик? Разве тебе здесь плохо?

– А разве хорошо? Мне не дали поступить в институт, в котором я хотел учиться, мне не дали и никогда не дадут заниматься тем делом, которое я люблю. Мне всю жизнь давали понять, что я – еврей, а значит – неполноценный и бесправный.

– Но, может быть...

– Не может, Тусенька. Мы расстанемся навсегда.

Она вдруг поверила и поняла, что цепляться за надежду бессмысленно. Надежды нет.

– Когда? – глухо спросила Наташа.

– Послезавтра.

– А как же Бэлла Львовна? Она с вами не поедет?

– Нет, она отказалась. Не хочет уезжать. И в связи с этим у меня к тебе первая просьба: не бросай ее, Туся. Позаботься о ней. Она пока еще относительно молода, ей пятьдесят два, но с возрастом приходят болезни, немощь... Я буду спокоен, если буду знать, что ты рядом с ней. Ты можешь мне это пообещать?

– Конечно, Марик. А какая вторая просьба?

– Погоди.

Он помолчал какое-то время, потом достал из кармана бумажник и извлек маленькую фотографию. На снимке черноволосый черноглазый ребенок лет двух сидел на деревянной лошадке. Иринка.

– Ой, когда это снимали? – удивилась Наташа. – И где? У Иринки нет такой лошадки.

– Это не Иринка. Это я.

– Ты?

– Да, Туся, это я. Мне было два года, когда мой папа незадолго до смерти меня сфотографировал. Мы с Иринкой – одно лицо. Теперь ты понимаешь?

– Нет.

Она действительно не понимала. Марик молчал, и через какое-то время до Наташи стал доходить смысл происходящего.

– Ты... – неуверенно начала она, – ты хочешь сказать, что Иринка – твоя дочь?

– Да, именно это я и хочу сказать. И моя вторая просьба касается Иринки. Позаботься о ней тоже, на Нину никакой надежды, она легкомысленная, выпить любит. Не бросай мою дочь, я прошу тебя. Моя мама тебе поможет, если нужно, она все знает.

– А Коля как же? Он знает о том, что Иринка не от него?

– Слава богу, нет. Иринка такая же черненькая, как Ниночка, и все думают, что она просто похожа на свою маму. Боюсь, что и Нина не знает, от кого из нас двоих она родила. Туся, это сложно объяснить, но... Нина собиралась замуж, ей хотелось ярко провести последние свободные деньки, а с Николаем она... в общем, она уже была близка с ним. Но ей хотелось еще чего-то, сильных впечатлений, что ли. Не знаю... Она давно хотела, чтобы я на ней женился.

– Ты? На ней?

От изумления Наташа даже забыла обо всем остальном.

– Ну да. Она хотела, чтобы я на ней женился, все время оказывала мне знаки внимания, пыталась соблазнить. Тогда, в августе, все разъехались, моей мамы не было, вас тоже, Люся не в счет, она из своей комнаты почти не выходила. Турпоход наш не состоялся, я был в Москве. Вот тогда все и случилось. Нина сказала, что у меня есть единственный шанс, если я на ней женюсь, она пошлет к черту своего Николая. Я ответил, что не могу, моя мама этот брак не одобрит. Да и ее мама, Полина Михайловна, была бы против, она ведь у нас яростная антисемитка. Не мог же я сказать Ниночке, что она мне совсем не нравится. То есть она красивая, привлекательная и все такое, но жить с ней всю жизнь я не хотел. Мы долго разговаривали, а потом все кончилось... сама понимаешь как. На следующий день в нашу квартиру вселился Коля. Вот и все.

– Надо же, – Наташа разгладила на коленях юбку, не зная, куда девать руки, – а я думала, что Ниночка тебе нравится, что ты в нее влюблен.

– И ревновала? – грустно улыбнулся Марик.

– А разве было видно?

– Только слепой не заметил бы. Тусенька, через два дня я уеду и больше никогда тебя не увижу, поэтому сейчас я отвечу на тот вопрос, который ты мне когда-то задавала. Помнишь?

– Помню, – кивнула она, замирая от предчувствия неотвратимо надвигающейся катастрофы. Вот сейчас он признается наконец, что любил и любит ее, а через два дня уедет навсегда. И что потом со всем этим делать? Как жить, зная, что любимый и любящий тебя человек недостижим никогда и ни при каких условиях?

– Ты спросила, есть ли девушка, которую я люблю.

– Да, я помню.

– Такая девушка есть. Я и сейчас ее люблю. Это твоя сестра Люся.

– Люся?!

– Ты удивлена? Моя мама знала. Больше никто. Даже Люся не знала. Она вообще меня не замечала, ведь я младше ее. А ты так похожа на нее, Туся. Я разговаривал с тобой, а видел ее.

Они еще долго сидели в скверике, то говорили, то молчали. Потом Марик проводил Наташу до троллейбусной остановки, на прощанье обнял ее и поцеловал.

– Ты будешь самым лучшим моим воспоминанием, я тебя никогда не забуду, – дрогнувшим голосом произнес Марик.

– Я тоже тебя не забуду.

Она проглотила слезы и поднялась на ступеньку троллейбуса. Обернулась, поймала взгляд его темных выпуклых глаз.

– Я тебя люблю. Я давно хотела тебе сказать...

– Я знаю.

Лицо его странно дернулось, Марик резко повернулся и пошел прочь.

Дома Наташа первым делом заглянула к Нине, подошла к детской кроватке, взяла малышку на руки. Боже мой, да она – вылитый Марик, как же никто этого до сих пор не заметил?

– Я никогда тебя не брошу, – шептала она в крохотное розовое ушко. – Я всегда буду рядом с тобой, что бы ни случилось.

– *Меня хотят убить.*

– *С чего ты взял?*

– *Знаю.*

– *Тебе открыто угрожали?*

– *Нет, но...*

– *Может быть, тебе показалось? Приснилось?*

– *Не делай из меня придурка! Напекаешь на то, что я много пью?*

– *И на это тоже.*

– *Послушай, я говорю серьезно. Мне стало известно, что меня собираются убрать. Никто мне не угрожает, они в открытую не действуют, обстрипывают свои делишки потихоньку. Ты должен мне помочь.*

– *Как?*

– *Не мне тебя учить. Ты сам знаешь, как. Я назову тебе имена, а ты уж сам реши. Я на тебя надеюсь. Если ты не поможешь – никто не поможет. Сделаешь?*

– *Конечно. Давай имена.*

Часть 2

Игорь, 1972–1984 гг.

– Мама, а папа увидит Никсона? – задал Игорь вопрос, который мучил его уже второй день.

В мае 1972 года президент США Ричард Никсон приезжает с визитом в СССР, а отца Игоря, Виктора Федоровича Машенко, переводят на работу в Москву, так что всей семье придется переезжать из Ленинграда. Правда, отец уезжает уже сейчас, в апреле, а Игорь с мамой пока остается, чтобы мальчик мог закончить учебный год, а уж с сентября он пойдет в четвертый класс в новой школе в Москве.

– Не знаю, сынок. Вряд ли, – рассеянно ответила мама.

Она была занята тем, что аккуратно складывала в большой чемодан рубашки мужа. Игорь уже сделал уроки и прикидывал, чем бы ему заняться: то ли одному в кино сходить, то ли зайти за приятелем, живущим в соседнем доме, и позвать его погулять. Можно вообще никуда не идти, а помочь маме собирать папины вещи. Тоже интересное занятие. Он достал из шкафа сложенные стопкой отцовские шерстяные вещи – два свитера, теплую фуфайку и красивую красную жилетку.

– Не нужно, сынок, положи на место, – улыбнулась мама.

– Почему? – удивился мальчик. – Разве в Москве не бывает холодно?

– Сейчас папа возьмет с собой только то, что ему нужно на ближайший месяц. В начале июня мы с тобой приедем и привезем все остальное. Все равно нам нужно будет заказывать контейнер для мебели и вещей, зачем же папе на себе лишнюю тяжесть таскать.

Он обиженно засопел и стал засовывать вещи на полку. Ну и пожалуйста, не хотите помощи – не надо, тогда он в кино пойдет.

– Мам, дай на кино, – попросил он. – И на мороженое.

– А уроки?

– Я уже сделал.

– Ладно. Значит, не поедешь со мной?

– Куда? – встрепенулся Игорь.

– Папу встречать. Я поеду на машине, потому что папа должен забрать с работы все свои книги и бумаги.

– Я с тобой!

Кататься на машине Игорь любил, но больше всего ему нравилось, когда их красные «Жигули» вела мама, ведь это так необычно – женщина за рулем, в Ленинграде такое нечасто увидишь, все оглядываются, смотрят с интересом, а мама при этом такая красивая и модная, и Игорь так гордится ею! Ему кажется, что, находясь рядом с такой необычной женщиной, он и сам становится необычным в глазах окружающих.

От проспекта Непокоренных, где они живут, до университета путь неблизкий, и всю дорогу можно посвятить вопросам, на которые маме придется отвечать, потому что в машине нет телефона, по которому она постоянно с кем-нибудь разговаривает.

– А мы в Москве где будем жить? Возле Кремля?

– Вряд ли, сынок. Скорее всего, где-нибудь в новостройках.

– А там метро есть?

– Ну а как же! В Москве очень красивое метро.

– Лучше нашего? – ревниво уточнил Игорь.

– Сам увидишь.

– А в Оружейную палату пойдём?

– Обязательно.

– А в Большой театр?

– Сходим, если билеты достанем.

– Достанем, – уверенно пообещал Игорь, – ведь в Мариинский папа всегда билеты достает.

– Сынок, то – Ленинград, а то – Москва. Здесь у нашего папы есть связи, и он может все достать. А в Москве их пока нет. Так что насчет Большого театра ничего не обещаю.

Отец уже ждал их у входа в университет на набережной. Рядом с ним стояли еще двое мужчин, и у всех троих в руках были папки и огромные связки книг. Снег еще не совсем растаял, тротуары грязные и мокрые, и свою поклажу они держат на весу. Сидя на заднем сиденье, Игорь наблюдал, как книги и папки укладывают в багажник, потом папа прощается с мужчинами, пожимает им руки, они обнимаются. Лицо у Виктора Федоровича грустное, и пока машина едет по Дворцовому мосту, он несколько раз оборачивается и смотрит на здание университета. Игорь не понимает причину этой грусти, ведь впереди – переезд, Москва, новые приключения и новые впечатления.

– Грустишь? – тихонько спросила мама.

– Сама понимаешь, пятнадцать лет жизни здесь провел, – ответил отец. – Сначала учился, потом аспирантура, потом преподавал. Привык.

– Ничего, и в Москве привыкнешь, – бодро сказал Игорь. – А у меня в Москве будет своя комната? А моя новая школа будет далеко от дома? А кинотеатр там есть?

* * *

Сначала все складывалось именно так, как Игорю мечталось. В новой московской квартире у него была своя комната, мама водила его на прогулку в Кремль, в Оружейную палату, в Третьяковскую галерею и в музей, на спектакль в Кукольный театр Образцова и еще в один, на Спартаковской улице, и в Театр юного зрителя. И все было таким необычным и так непохожим на Ленинград! Даже улицы и дома были совсем другими.

Но наступило 1 сентября, и с ним – первое жестокое разочарование. Игорь так ждал этого дня, он был уверен, что к нему, как к новичку, приехавшему из Ленинграда, из города-героя, колыбели Революции, все отнесутся с интересом, будут расспрашивать, он окажется в центре внимания и станет со знанием дела рассказывать москвичам про Эрмитаж, про крейсер «Аврора», про Петродворец и про то, как ночью разводят мосты над Невой. И, разумеется, после первого же дня в новой школе он обзаведется новыми друзьями, вместе с которыми будет ходить в кино, играть в футбол летом и кататься на коньках зимой. Но все вышло совсем не так.

Мама уже давно показала ему, где находится школа, это совсем недалеко от их дома, и 1 сентября Игорь заявил, что провожать его не нужно, он вполне справится сам.

– Не забудь, – несколько раз повторила мама, – твой класс – четвертый «Б», учительницу зовут Зоя Николаевна.

На школьном дворе ученики выстроились на торжественную линейку. В первый момент Игорь растерялся и даже пожалел, что отказался от маминой помощи. Где искать свой класс? Им хорошо, они все друг друга знают, а ему как быть?

– А где четвертый «Б»? – спросил он дрожащим голосом у какой-то толстой тетki в сером костюме, торопливо пробиравшейся сквозь толпу.

– Вон там, – она махнула рукой куда-то в сторону. – Ты новенький, что ли?

– Да, я из Ленинграда.

Но на тетку сообщение о том, что он из Ленинграда, не произвело ни малейшего впечатления.

– Вон туда иди, видишь, где Зоя Николаевна стоит, высокая такая, с белой косынкой, – равнодушно бросила она и куда-то умчалась.

Высокую женщину с белой косынкой на шее Игорь увидел и радостно направился прямо к ней.

– Я Игорь Мащенко, – заявил он без предисловий.

– И что? – Зоя Николаевна недоуменно приподняла тонкие выщипанные брови над круглыми глазами.

– Я новенький.

– Ах да... Хорошо, иди встань вместе с классом.

Ребята оживленно разговаривали, обмениваясь впечатлениями о летних каникулах. Им было о чем поговорить, ведь они три месяца не виделись! И даже не заметили, что к ним подошел какой-то незнакомый мальчик.

Линейка закончилась, директор торжественно потрясла медным колокольчиком, что должно было означать первый звонок на первый в новом учебном году урок, и все весело повалили в школьное здание. Игорь понуро плелся сзади.

В классе он попытался усесться за последнюю парту в дальнем ряду, возле окна, в ленинградской школе он всегда сидел именно на этом месте, но подошедший вихрастый мальчишка бесцеремонно шлепнул перед ним свой пузатый портфельчик со словами:

– Это наше место. Вали отсюда.

Рядом с вихрастым стоял еще один пацан, маленького росточка, со злыми глазками. На лице его явственно читалось: «Вот только попробуй не встань, вот только попробуй».

Игорь встал и принялся озираться в поисках другого места. Все парты уже были заняты, единственное свободное место оказалось на первой парте, прямо перед столом учительницы, но садиться туда Игорю не хотелось.

– Тише, дети! – закричала Зоя Николаевна, жестом успокаивая галдящий класс. – Сели все по местам! Быстренько! У нас в классе новенький, его зовут Игорь...

– Мащенко, – быстро подсказал Игорь.

– Игорь Мащенко. Игорь, ты хорошо учился?

– Нормально, – растерялся он.

– Ну вот и хорошо, будешь сидеть с Сашей Колбиным. Я надеюсь, вы подружитесь, и ты будешь помогать Саше с уроками.

С этими словами Зоя Николаевна показала рукой на ту самую первую парту, за которой он так не хотел сидеть.

Класс разразился дружным ржанием, но Игорь не понял, что такого смешного сказала учительница. И только через несколько дней до него дошло, в чем дело. Саша Колбин был посмешищем всего класса, с ним не хотели сидеть вместе, и тем более никто не хотел с ним дружить. Толстый, неопрятный, в очках, только частично компенсировавших сильную близорукость, Колбин вдобавок был непроходимым тупицей, не вылезавшим из двоек, за что и получил среди одноклассников прозвище Колобашка. На переменах ребята, пробегая мимо Игоря по коридору или школьному двору, весело спрашивали:

– Ну как Колобашка? Правда, клевый?

Или предупреждали:

– Смотри, не провоняйся от Колобашки.

И, не дожидаясь ответа, бежали дальше, к своим совместным играм и развлечениям в компаниях, сложившихся и устоявшихся еще с первого класса. Новенький как таковой им был неинтересен, и про Ленинград никто его не спрашивал. Оказывается, как раз этим летом они всем классом ездили на десять дней в Ленинград и все видели своими глазами: и белые ночи, и разводящиеся мосты, и Эрмитаж, и крейсер «Аврора». Игорь оказался обреченным на общение с тупым Колобашкой, которого не интересовало ничего, кроме хоккея.

Но именно с хоккея все и началось. В сентябре проходила хоккейная суперсерия СССР – НХЛ, игры транслировали по телевизору, и, измученный собственной отверженностью, Игорь в отчаянии пригласил Колобашку к себе домой смотреть матч. Трансляции шли поздно вечером, и ему пришлось просить маму, чтобы та позвонила родителям Колбина. Уж о чем они там разговаривали, Игорь не слышал, но результат его ошарашил: в гости к семье Мащенко явилось все семейство Колбиных в полном составе – мама, папа, старший брат и сам Колобашка.

– Мы так рады, что у Сашеньки наконец появился друг в школе, – чирикала Колобашкина мама. – А то он все один да один, ни с кем не дружит.

Колобашку, как самого слабовидящего, усадили прямо перед экраном.

– Во клевое! – не переставал восторгаться Саша. – Никогда по такому классному телику хоккеей не смотрел.

Телевизор у Мащенко и впрямь был отличный, цветной, с большим экраном, фирмы «Грюндиг». Наши хоккеисты победили со счетом 7:3, и стены квартиры, да и всего дома в тот вечер содрогались то от рева восхищения, то от стонов отчаяния.

На другой день к Игорю в школе подошел Гена Потоцкий, тот самый вихрастый паренек, который прогнал его с задней парты возле окна.

– Колобашка сказал, что смотрел вчера хоккеей у тебя дома. Врет, нет?

– Смотрел, – подтвердил Игорь, замирая от страха и одновременно от радости. К нему впервые обратился кто-то, кроме ненавистного Колобашки. И не просто кто-то, а сам Генка Потоцкий. За несколько дней Игорь успел понять, что Генка – самый авторитетный в классе, как скажет – так и будет.

– Он говорит, у тебя телик клевый. Врет, нет?

– «Грюндиг», – неумело пытаюсь скрыть гордость, заявил Игорь.

– Ух ты! А чего ты с Колобашкой сидишь? Убогих любишь?

– Так больше не с кем сидеть, других мест нет. Зоя Николаевна меня посадила, вот и сижу, – простодушно объяснил Игорь.

– Заметано, – таинственно подмигнул Генка.

Когда ребята вернулись в класс после перемены, Потоцкий подошел к пареньку, сидящему за партой прямо перед ним.

– Колян, освободи место, пересядь к Колобашке.

– Почему? – в ужасе закричал тот. – Я не хочу, я здесь сижу.

– Ну пересядь, будь человеком. А то побью, – пригрозил Потоцкий.

– Игорь, иди сюда, с нами сидеть будешь.

Дома у Генки телевизор был не хуже, настоящий «Филипс», он тоже, как и Игорь, имел возможность видеть в цвете мельчайшие детали знаменитых хоккейных матчей, в том числе и надписи на клюшках игроков. Оба мальчика первыми в классе стали делать из спичечных коробков миниатюрные клюшечки с надписями «КОНО», «ТИТАН» и «JAFE» и со знанием дела обсуждали ход игры, пересыпая свою речь фамилиями Михайлова, Петрова, Харламова, Якушева, Старшинова, Кузькина и Викулова.

Игорь и опомниться не успел, как оказался третьим членом компании, состоявшей из Генки Потоцкого и заправского хулигана Жеки Замятина, того самого низкорослого, со злыми глазками. Еще долгое время Игорь ловил на себе несчастный и растерянный взгляд Колобашки, который не понимал, почему его отвергли, и надеялся на то, что новый друг еще вернется к нему. Первое время Игоря это смущало, но вскоре новые друзья совершенно вытеснили из его памяти дни, проведенные в обществе никчемного и всеми презираемого полуслеплого тупицы.

* * *

– Ты больше не дружишь с Сашей? – как-то спросил папа.

Игорь даже не понял сперва, о ком идет речь, и только потом догадался, что отец имеет в виду Колобашку.

– Нет, – нехотя ответил он.

– Почему? Вы поссорились?

– Мы не ссорились. Просто он... скучный.

– Понятно, – кивнул отец. – И с кем же ты теперь дружишь?

– С Генкой и с Жекой.

– А поподробнее нельзя?

– Ну чего подробнее... – Игорь задумался. – Генку в классе все уважают, как он скажет – так и будет.

– За что уважают? – продолжал допрос отец. – Он отличник?

– Да нет, он как я учится, на пятерки и четверки. И тройки бывают тоже.

– Так за что же его уважают? Может, он хороший спортсмен? В секцию ходит?

– Ни в какую секцию он не ходит. Просто уважают, и все.

– Ладно, а кто такой Жека?

– Замятин. Он в «чижика» лучше всех играет. И в «трясучку».

– В «трясучку»? Что это за игра? – приподнял брови отец.

Игорь прикусил язык. Черт, надо же было так проболтаться! Играть в «трясучку» в школе строжайше запрещали и нарушителей запрета сурово наказывали. Генка Потоцкий, правда, и тут был исключением, ловили его за игрой регулярно, но почему-то ему все сходило с рук. Как же теперь выкручиваться?

– Игорь, ты мне не ответил, – настойчиво сказал Виктор Федорович. – Что это за игра такая?

– Это... ну... монетки подбрасывать. И угадывать, орел или орешка.

– Решка, а не орешка, – поправил отец. – Поподробнее, если можешь.

Игорь нехотя принялся объяснять, что можно играть на две монетки по 5 копеек, а можно на четыре по 2, и тогда приходится договариваться, как играть, «на все или на много». Иногда даже пускают в ход десяти- и двадцатикопеечные монеты, но это в основном делают ребята постарше.

– Это же игра на деньги! – возмутился Виктор Федорович, выслушав невнятные объяснения сына. – Неужели в вашей школе это разрешают?

Пришлось признаваться, что, конечно, не разрешают.

– И ты тоже играешь?

– Нет, – соврал Игорь.

– А Генка твой с Жекой, выходит, играют?

Выхода не было, он все равно уже протрепался, что Жека – лучший по «трясучке». Сейчас отец рассердится и запретит ему дружить с ребятами. Что же теперь делать?

Но вопреки опасениям отец вовсе не рассердился, только спросил:

– И что бывает с теми, кого поймают за игрой?

– К директору вызывают. Потом родителей тоже вызывают. В дневник записывают. Оценки за поведение снижают.

– Значит, твоих друзей регулярно за это наказывают?

– Только Жеку. Генке ни разу ничего не было.

– А почему?

– Генку учителя любят. И вообще, его уважают.

Больше отец к этому разговору не возвращался, и Игорь успокоился.

Через несколько дней уже уснувший было Игорь вдруг проснулся около полуночи и побрел в туалет. Проходя мимо кухни, услышал за закрытой дверью голоса родителей и замер, когда до него донеслось произнесенное отцом имя Генки Потоцкого.

– Ну что ты хочешь, Лизонька, у него отец – дипломат, два срока пробыл в Швейцарии, а до этого был в Аргентине. Разумеется, он купил всю школу с потрохами. У него же карманы набиты чеками Внешпосылторга, он всем учителям достает дефицит по мелочи, кому духи, кому помаду, кому лекарства, поэтому Генке все с рук сходит.

– Это ужасно! – вздохнула мама. – Такой мальчик может испортить нам Игорька. Может, перевести его в другую школу?

– Не говори глупости. Генка, как я понял, ничего плохого не делает и сам привилегиями родителей не пользуется, учится нормально, я специально узнавал. А то, что его не наказывают и все ему прощают, так это вина учителей, сам парень тут ни при чем.

– Господи, я не понимаю, за что же его в классе так уважают-то? Он что, свою правоту силой доказывает?

– Лизонька, ну как же ты не понимаешь таких простых вещей! Мы живем в закрытом обществе, для каждого из нас за граница – это сказочная мечта. И тут вдруг появляется мальчик, который родился и до семи лет жил в Швейцарии, у которого дом набит импортной техникой, а на полках стоят самые дефицитные книги. Конечно, этот мальчик не может в нашей советской школе не стать чем-то особенным. Вот он и стал. Если бы это была школа, в которой учатся дети сотрудников аппарата ЦК и внуки членов Политбюро, так на Генку этого никто и внимания бы не обратил, там все такие. Но наш с тобой сын ходит в самую обычную московскую школу, так что удивляться тут нечему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.